Петри Лев Оттович,
Петри Виктория Теодоровна

НЕМЦЫ ТАЙМЫРА

Корректор М. Лищинская
Компьютерная верстка М. Синельниковой

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 1000.

Издательство ЗАО «МСНК-пресс»
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 5, офис 53.
Тел. (495) 246 40 51, факс (495) 248 38 74.

Отпечатано в ООО «Регент принт».

Петри Л. О., Петри В. Т.

НЕМЦЫ ТАЙМЫРА

Правда вечна – она может быть скована,
но никогда не может быть убита.

Москва–2007

УДК [94+39](470+571)(=112,2)(063)
ББК 63,3(2)+63,5(2):79
П23

Петри Л. О., Петри В. Т.

П 23 Немцы Таймыра. – М.: АОО «МСНК», 2007. – 100 с.

ISBN 5-98355-021-7

Книга «Немцы Таймыра» посвящена российским немцам-спецпереселенцам, которые в 1941–1944 годах были эвакуированы на Таймыр. В книге содержатся документальные свидетельства очевидцев – авторов книги Петри Л.О., Петри В.Т., а также других участников событий тех лет, которые повествуют о трудовых буднях и быте спецпереселенцев на Таймыре, их жизни в послевоенные годы. На примере жизненных историй отдельных семей предстает трагическая судьба российских немцев. Большинство документальных свидетельств публикуются впервые.

Книга будет интересна всем, кто интересуется историей, этнографией и культурой российских немцев.

УДК [94+39](470+571)(=112,2)(063)
ББК 63,3(2)+63,5(2):79

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального министерства иностранных дел Германии.

ISBN 5-98355-021-7

Коротко об авторах

Петри Лев Оттович родился 10 августа 1926 года в городе-Балаково, Саратовской области, в немецкой семье. До выхода на пенсию 32 года был на преподавательской работе и руководителем аспирантуры (7 аспирантов, в том числе 2 немецких) в Московском энергетическом институте (техническом университете) (МЭИ). В Германию переехал с семьей в 1994-году. Является членом правления немецкой ассоциации выпускников и друзей МГУ имени Ломоносова (Берлин).

Петри (Вальтер) Виктория Теодоровна родилась 28 апреля 1925 года в селе Гнадентау АССР НП, в немецкой семье. До выхода на пенсию работала главным бухгалтером Международного союза немецкой культуры в Москве. В Германию переехала с семьей в 1994-году. Являлась членом родительской школы в городе Гамбурге.

Введение

Кто такие спецпоселненцы? В наших архивных справках о реабилитации, выданных органами МВД после 1956 года, записаны слова: «... выслан в 1941 году, как лицо немецкой национальности и находился на спецпоселени... до 1956 г.», или «...основание и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке, как лицо немецкой национальности.., состоял на учете спецпоселения...» Из терминов энциклопедического словаря и из словарного набора в реабилитационных справках МВД следует, что приставка «спец» означает, что лицо репрессировано по политическим мотивам и национальному признаку. Это подтверждается тем, что термин «спецпоселенец» в 40-е годы распространялся не только на высланных в Сибирь и на Таймыр российских немцев, но и на репрессированных калмыков и другие народы. Национальность человека в годы репрессий была основным критерием оценки его отношения к советской власти. Печально, но факт.

Так же, как это часто делают фронтовики, посещая места бывших боев во время войны 1941–1945-годов, так и мы, более 60-ти лет спустя, посетили места, где прошла наша юность, и где в памяти сохранилась человеческая боль за до сих пор еще не полностью раскрытую перед общественностью трагедию 40-х годов на Таймыре.

Известный ученый А. Ф. Миддендорф в середине XVIII столетия назвал самый Северный полуостров Евразийского материка Таймыром, что с эвенкийского переводится как богатый, обильный. Изыскания, особенно в последние годы, действительно показали, что Таймыр является настоящим кладом ценных для народного хозяйства ископаемых. Но мы не об этом.

История Таймырской трагедии – это всеми забытая страница истории ушедшего поколения. В этом белом пятне Таймыра есть незабываемые годы, которые требуют их оценки. Время возвращает нас к той поре, которая была на исторической арене подлинной историей, без которой немыслимо самосознание репрессированных таймырцев «выпуска» 1942–1944 годов. Жизнь тех лет осталась в памяти. Побывав в 2002 году в Дудинке мы обрели повышенное чувство сострадания к людям, которые много пережив, носят в себе этот многолетний человеческий груз. Кому этот груз передать, кто может облегчить то, что многие годы носилось каждым, потому что с детства в крови существовал страх за откровенный разговор. Немцы из России. Кто они? Это те, кто в 1941 году из Поволжья и Ленинграда были вывезены в Сибирь, а в 1942 году – на Таймырский полуостров, и стали дешевой рабсилой в освоении его рыбных запасов в суровых условиях Заполярья. До сих пор в городе Дудинке – столице Таймырского автономного округа – проживает около 100 немцев, а на Таймыре в целом – 150. Из числа дудинцев остались единицы, кторые являются живыми свидетелями самых страшных прожитых там 1942–1944 годов, когда из-за непосильного труда, голода, холода и цынги погибло не менее 70% доставленных на Таймыр женщин, подростков, детей и стариков. Голодное питание, отсутствие теплой одежды, землянки в вечной мерзлоте, практически отсутствие медицины, освоение ценой жизни необжитых мест, только 30-процентное обеспечение рабочими местами. Пережили эти годы в основном те, кто имел дело с рыбой. «Больше рыбы фронту» звучал на тонях (участок реки, где ловля рыбы производилась неводом) партийный призыв, хотя весь таймырский улов, как стало позже известно, шел на питание 75-тысячному контингенту заключенных (зэков) Норильского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ).

В 2002 году исполнилось 60 лет нашего прибытия на станок Усть-Хантайка. В Дудинке при встрече с местным активом общества «Возрождение» его члены обратились к нам с просьбой описать ту трагедию, геноцид, которому подверглись доставленные на Таймыр репрессированные люди. Нам было прямо сказано: «Если вы как свидетели этих событий не напишите, то более некому будет об этом написать». Действительно, уходит поколение «выпуска» 1942 года, которое еще может помнить то трагическое время. И мы взялись за перо. Зная, что многие семьи сейчас проживают в Германии, мы через газету «Heimat–Родина» обратились с призывом «Таймырцы,-отзовитесь!» и получили много писем с воспоминаниями и фотографиями тех лет. Такая поддержка позволила нам сконцентрировать весь материал, объединив его в отдельную книгу, в

которой таймырцы заговорили – больше не молчат. Судя по всему, начатое будет иметь продолжение.

Какие официальные, рожденные Кремлем с началом войны в 1941 году документы в отношении репрессивных мероприятий к советским немцам явились «базовыми»? Вот их перечень:

1. Указ ПВС СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» Пред. ПВС СССР М. Калинин, Секр. ПВС СССР А. Горкин.
2. Совершенно секретно. Приказ НКВД СССР от 28 августа 1941 г. «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья Саратовской и Сталинградской областей». Л. Берия.
3. Сов. Секретно. Постановление ГКО, № ГКО–636 сс от 6 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Москвы и Московской области и Ростовской области». Пред. ГКО И. Сталин.
4. Указ ПВС СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» Пред. ПВС СССР М. Калинин, Секр. ПВС СССР А. Горкин.
5. Строго секретно. Приказ МВД СССР «О проведении операции по переселению немцев из Москвы и Московской области» 001237 от 8 сентября 1941 г. Народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия.
6. Приказ № 35105 от 8 сентября 1941 г. Ставки Верховного Главнокомандующего об «изъятии» из Красной Армии военнослужащих немецкой национальности и формирование из них с лагерным режимом «рабочих колонн» НКВД. (Эти колонны положили начало так называемой трудармии.
7. Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–702 сс от 22 сентября 1941-г. «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей» Пред. ГКО И. Сталин.
8. Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–743 сс от 8 сентября 1941-г. «О переселении немцев из Воронежской области». Пред. ГКО И. Сталин.
9. Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–744 сс от 8 октября 1941 г. «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР». Пред. ГКО И. Сталин.
10. Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–827 сс от 22 октября 1941-г. «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР Пред. ГКО И. Сталин.
11. Сов. секретно. Распоряжение СНК СССР № 197 от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Даль-

нем Востоке». Зам. Пред. СНК СССР В. Молотов, Управ. Делами СНК СССР Я. Чадаев.

12. **Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–1123 сс от 10 января 1942-г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». Пред. ГКО И. Сталин. (С выходом этого Постановления началась организация рабочих колонн НКВД).**
13. **Сов. секретно. Постановление ГКО № ГКО–1281 сс от 14 февраля 1942 г. «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». Пред. ГКО И. Сталин.**
14. **Сов секретно. Постановление ГКО ГОКО №2383 сс от 7 октября 1942-г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». Мобилизация в рабочие колонны НКВД на все время войны: мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет и женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет. Пред. ГКО И. Сталин.**
15. **Сов. секретно. Постановление ГКО № ГОКО–3960 сс от 19 августа 1943 г. «О мобилизации и направлении в угольную промышленность немцев и немок 7 тысяч человек». Пред. ГКО И. Сталин.**
16. **Сов. секретно. Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». Зам. Пред. СНК СССР В. Молотов, Управ. Делами СНК СССР Я. Чадаев.**
17. **Сов. секретно. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Пред. ПВС СССР Н. Шверник, Секретарь ПВС СССР А. Горкин. Переселение советских немцев проведено навечно; за самовольный выезд (побег) – 20 лет каторжных работ; за укрывательство бежавших–5 лет лишения свободы.**
18. **Указ ПВС СССР от 11 марта 1952 г. «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении». Пред. ПВС СССР Н. Шверник, Секретарь ПВС СССР А. Горкин. (Этот Указ и Указ от 26 ноября 1948 г. распространяются на советских и других спецпоселенцев). Из названных Кремлевских Указов, Постановлений и Приказов осенью 1941 г. советские немцы оказались в Сибири во исполнение следующих:**
    1. **Указ ПВС СССР от 28 августа 1941 г.**
    2. **Приказ НКВД СССР от 28 августа г. 1941 г.**
    3. **Пост. ГКО, № ГКО–636 сс от 6 сентября 1941 г.**
    4. **Приказ МВД 001237 от 8 сентября 1941г.**
    5. **Приказ СВГ № 35105 от 8 сентября 1941 г.**
    6. **Пост. ГКО № ГКО–698 сс от 21 сентября 1941 г.**

7. Пост. ГКО № ГКО –702 сс от 22 сентября 1941 г.
8. Пост. ГКО № ГКО–743 сс от 8 сентября 1941 г.
9. Пост. ГКО № ГКО–744 сс от 8 сентября 1941 г.
10. Пост. ГКО № ГКО–827 сс от 22 октября 1941 г.

«Путевки» из Сибири на Таймыр репрессированные народы, в том числе и советские немцы, получили во исполнение следующих директив:

1. Распоряжение СНК СССР № 197 от 6 января 1942 г.
2. Постановление ГКО № ГКО–1123 сс от 10 января 1942 г.
3. Постановление ГКО № ГКО–1281 сс от 14 февраля 1942 г.

Директивы, относящиеся ко всем репрессированным народам в местах поселения:

1. Постановление ГКО ГОКО № 2383 сс от 7 октября 1942 г.
2. Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г.
3. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г.

Перечень законодательных актов Кремля показывает, что из 19-ти непосредственно к Таймырским немцам относятся только три – от 6-го и 10 января и 14 февраля 1942 года о развитии рыбных промыслов и о мобилизации и использовании немцев-мужчин-переселенцев призывного возраста, а также три – от 7 октября 1942 года, 8 января 1945 года и 26 ноября 1948 года о мобилизации немцев мужчин в возрасте 15–16 лет и 51–55 лет и женщин-немок – от 16-ти до 45 лет, о правовом положении спецпереселенцев и о наказании за самовольный выезд – 20 лет каторжных работ.

Имея весь перечень основных директив Кремля в отношении к советским немцам, мы как бы образовали круг законодательных актов, которыми Кремль обложил совершенно невинных людей обоего пола всех возрастов только по национальному признаку, опустив их по всем жизненным параметрам до уровня настоящих преступников. С тех пор прошло 63 года. Как теперь люди, вышедшие из этого круга живыми характеризуют результаты «работы» Кремлевской банды преступников и негодяев с точки зрения того политического гнета, которому были подвергнуты эти люди.

Легче было пережить тогда обстановку, возникшую из-за войны, но невозможно согласиться с узаконенным унижением, оскорблением, издевательством, беззаконием под надзором НКВД.

Еще раз напомним; кто был спецпоселенцем. Это лицо, которое репрессировано по политическим мотивам и национальному признаку.

Ознакомимся с некоторыми воспоминаниями очевидцев, бывших спецпоселенцев, высланных на Таймыр в 1942 году.

1. Свидетельствует автор Петри Лев (1926 г. р.)

«Ужасно приятно прожить хоть несколько времени, не боясь».

Салтыков-Щедрин

24 июня 1942 года мы были на лихтере № 15 в составе каравана из восьми лихтеров, семь из которых были в двое меньше нашего, и мощного дизельного буксира «Куйбышев» доставлены на станок Усть-Хантайка Дудинского района Таймырского национального округа. Этот поселок называется так, так как находится в 18-ти километрах ниже устья реки Хантайка, которая вытекает из озера Хантайка и через 90 километров впадает в Енисей. Эта река с быстрым течением и шириной 50–100 метров имеет высокие каменистые берега и отличается тем, что имеет очень чистую прозрачную светло-зеленую, как в Ангаре, воду, через которую очень хорошо видно дно реки. Позже мы убедимся, что из-за такой прозрачности воды ловить рыбу летом, когда солнце светит круглые сутки, сетями совершенно невозможно – сети рыба обходит – можно рыбачить только в августе, когда наступят темные ночи.

Итак, Усть-Хантайка – это четыре дома, магазин со складом, пекарня. При магазине комната с кухней и тамбуром в качестве жилья для семьи продавца. На берег были выгружены 105 человек (первая партия), доставленных сюда по политическим мотивам и национальному признаку: Поволжские и Ленинградские немцы, латыши, эстонцы, финны, русские (бывшие ссыльные в Сибирь), женщины, дети, подростки, старики и только три «мужика». Все эти люди, не имевшие перед Советской властью абсолютно ни какой вины стали здесь так называемыми спецпоселенцами и ссыльными (прибалты).

Нужно отметить, что к нашему приезду, проживавшие в поселке местные семьи рыбаков Чирковы, Миргуновы и Гришко, освободили все дома и постройки. Но это позже, а пока 24 июня 1942-года мы оказались на высоком каменистом берегу Енисея наедине с тучами комаров и мошек вокруг нас. Это была настоящая беда. Моя мама сразу же среагировала на мошек-– все лицо и глаза отекли. От кровососов спасение в этих условиях было одно – быстро строить шалаши. А стройматериалов для этого было много. Везде лежали оставшиеся после ледохода и паводка обсохшие доски, горбыль и другие отходы Игарского лесокомбината. В отношении брошенной древесины у нас проблем не оказалось.

При выгрузке с лихтера нам всем был выдан четырехмесячный запас продуктов (такой заботой была удостоена только первая партия спецпоселенцев – СП). Вот, что записал тогда в своем дневнике Юра Янкович

– семья из 3-х человек (наша такая же) получила следующее (в кг): мука – 216, крупа перловая – 18, окорок – 26,4, масло сливочное – 7,2, сахар – 6, чай – 0,25, мыло – 4,8, спички – 60 коробок, табак трубочный – 12 пачек. Через месяц (в июле) муку необходимо было сдать в пекарню.

Семьи Чирковы, Миргуновы и Гришко, как мы позже узнали, были детьми бывших политических сосланных в эти края родителей, давно умерших, но оставивших доброе трудолюбивое поколение. Поэтому не удивительно, что эти люди отнеслись к нам с пониманием и доброжеланием. Знакомство с ними в последующие годы превратилось не только в дружбу между семьями, но и даже в родство – моя тетя Минна вышла замуж за Алексея Миргунова фронтовика, радиста на Хантайском озере. Гришко стал бригадиром рыболовецкой бригады на Сиговом озере, где рыбачила один год Виктория Вальтер, моя будущая невеста и жена, а Чирковы – близкими друзьями в Потапово, которые всегда с большим теплом встречали нас при поездке из Усть-Хантайки в Дудинку зимой. В условиях Крайнего Севера очень важно при дальних поездках иметь надежный заезжий дом. Несколько светлых ночей при хорошей летней погоде мы провели в шалаше, а днем собирали вдоль берега Енисея очень вкусный зеленый дикий лук, а также изучали ближайшее озеро и речку, впадающую в Енисей.

Среди доставленных в Усть-Хантайку оказалось немало латышей, которые еще на лихтере организовали певчий хор, исполнявший латышские песни на 4 голоса. Их голоса слышны были на обоих берегах могучей реки каждый вечер.

Во время выгрузки людей в медпункт лихтера была вызвана Янкович Наталия Викторовна, где ей объявили, что она с семьей высаживается как медик, получив при этом некоторое количество медикоментов для организации в Усть-Хантайке медпункта.

Все население поселка – 105 человек – было поделено на бригады по 15–16 человек, которые затем расселялись по имевшимся домам. Сюда входили также 3 рыболовецкие бригады (бригадиры Иорг Элеонора, Гроо Анна и Петри Лео) и 2 строительные (бригадиры Кублик Адольф и Шотт Владимир). На вселение наша бригада получила дом, который местная семья Гришко нам освободила. На площади 18 кв. м разместили 12 человек в составе: Гергенредер Минна (1918), Петри Ольга (1898), Лео (1926), Маурер Александр (1896), Ада (1900), Владимир (1926), Александр (1932), Вольф Мария (1896), Амалия (1925), Владимир (1926), Гинц Бригитта (1927), Торвалд (1925). Мы были рады, что при доме был тамбур с кладовкой для дров и печка с чугунной плитой. Вдоль стен построили двух- и четырехместные нары и установили два сундука, которые также стали спальными местами. Чтобы как-то спасти маму от ядови-

тых мошек, был из марли сшит полог, под которым можно было найти покой в светлой полярной ночи. Меня же более устраивала с одеялом и подушкой ночевка на вышке (маяке) со знаками судового хода на высоте порядка 20 м, где кровососов не было.

В середине июля на моторном боте из Дудинского рыбзавода в Усть-Хантайку были доставлены три неводника, «куклы» неводной сетки и барабаны веревки для неводов. Под руководством прибывшего инструктора Богданова все три рыболовецкие бригады стали «строить» для себя 500-метровые невода из сети с 35 мм ячеей. Между столбами натягивали верхнюю и нижнюю тетивы невода и к ней пришворивали полотно сети шириной 8-м, то есть высота невода в воде должна быть 8 м. На мою долю выпала работа, с которой никто не был знаком – вырезать из дерева лиственных пород (например, березы) иглы для вязания сетки, так как в каждой бригаде их должно быть по несколько штук. Без таких игл, заполненных суровыми нитками, нельзя починить сеть и порванный невод. При их изготовлении меня выручал, оставшийся после ареста моего папы в 1938 году перочинный нож с перламутровой отделкой. Остро наточенный он позволял вырезать сложную фигуру иглы из твердого сухого дерева со шпулей для ниток. После того, как на верхнюю тетиву невода были через каждый метр навешаны из сухой обожженой древесины балберы, а на нижнюю-грузила, 9 июля 1942 года инструктор Богданов, собрав бригаду из 8-ми ребят и девчат, впервые сидевшие в лодке (это была сельская молодежь из степных районов Поволжья), мы направились на левый песчаный берег рыбачить. Прибыв на тоню, нам стало ясно, что технологию рыбного промысла с большим неводом наш инструктор плохо знает, допустив впоследствии ряд ошибок: тоня не была очищена с помощью каната от топляков и камней и поэтому при первом же неводнении произошел зацеп и порыв полотна невода; из-за слабого инструтажа рыбак на пяте не знал как удерживать невод, чтобы его течением не затягивало в реку. Он, бедняга, стараясь вручную удержать невод, был затянут в воду выше пояса и бросил бичеву, тогда как необходимо было на суше, упираясь имевшейся у него палкой в песок придерживать невод от берега на расстоянии длины бичевы; в результате невод был затянут течением на глубину, спутан и нами вытянут вдоль берега; рыбак на пяте тогда был весь мокрый. Хотя неводнение было неудачным, в мотне оказалось несколько крупных нельм и тайменей. Это обрадовало всех нас тем, что предвиделся сытный обед. Все мокрые пошли сушиться в рыбацкую избушку с двухъярусными нарами и железной печкой. Не имея еще к тому времени тюлевые черные сетки, нас очень сильно донимали комары и мошки, не было от них никакого покоя. В этом отношении июль и первая половина августа

на Севере самое неприятное и беспокойное время – привыкнуть к этой твари невозможно. Во время работы днем нужна фуражка с козырьком и поверх тюлевая сетка (марля не годится, так как в ней задыхаешся от жары, пота и слабой вентиляции), а ночью – марлевый полог во всю длину постели. Но этого никто не имел, кроме нашего инструктора. После нашей рыбалки, уже в избушке мы с ужасом обнаружили, что утром во время отправки из поселка на берегу среди камней мы все оставили свои узелки с едой и, главное, – с хлебом. За время, пока мы в избушке сушились, на Енисее разыгрался сильнейший шторм, вся река покрылась белыми гребешками, за хлебом плыть стало опасно, решили жить на пойманной рыбе.

На четвертые сутки шторм на реке не стихал. Что делать? Рыба на еду уже кончилась, на небе черные тучи – дует чистый норд. Кроме неводника у нас была еще небольшая лодка-астраханка на 2 весла. Богданов объявляет: кто добровольно согласен втроем плыть 7 километров в поселок за продуктами? Нашлись трое: Богданов на корме лодки с рулевым веслом, а Петри и Янкович – за веслами. Шторм был действительно сильным, лодку между волнами швыряло то вниз, то на гребень волны, где самый опасный момент – вода через борт. Наш рулевой прекрасно со всем справлялся, включая и вычерпывание ковшом воды со дна лодки. В середине Енисея мы увидели, что весь поселок вышел на высокий берег и следил за нами, что нам, естественно, придало больше духа, а когда мы зашли в речку – сбежали вниз к нашей лодке и приветствовали за смелое плавание. Пока мы получали продукты и обедали, шторм на реке заметно стих, пропали «беляки». Мы тронулись в обратный путь, но уже вдвоем – Юра Янкович заболел. На тоне нас с радостью встречали наши голодные рыбаки.

После первой пробы рыбалки неводом трем бригадам были выданы новые невода, вешала для сушки и починки невода, по одному неводнику и 30-местной палатке, по железной печке, чайнику, большому котлу для варки ухи и сковороде, а также несколько плетеных корзин для носки рыбы. Все это для рыбного промысла снаряжение мы получили от Дудинского рыбзавода, так как являлись до сих пор рыбаками гослова, сдавая приемщику Зуеву добытую рыбу и получая за это от него на продукты и промышленные товары рулоны и деньги. Приемная цена за 1 кг в рублях сдаваемой приемщику рыбзавода рыбы, по сравнению с розничной ценой в магазинах, была в те годы чрезвычайно низкой и зависела от ее породы: осетр – 3,70, нельма, таймень – 2,70, чир, муксун – 2,10, омуль – 1,60, ряпушка (так называемая «туруханская селедка»), корюшка (так называемая «зубатка») – 1,10, черная мелочь (налим, красноперка, окунь и т. п.) – 0,15. «Моя» рыболовецкая бригада («пет-

ринская») состояла из 16 человек-– два звена по 8 человек в каждом (4 ребят и 12 девчат).

У тони (3-км длиной) мы установили для нашей бригады палатку, утеплили ее от сильных ветров, смастерили из горбылей нары, на которые уложили матрасовки, набитые сухой травой, привезли из поселка свои домашние постели, получив, таким образом, неплохое жилье с далеким речным обзором. В качестве дров использовали разбросанный по берегу сушняк и мелкие бревна.

В бригаде, пока мы до августа 1942-года входили в систему гослова, существовала уравниловка, то есть все заработанные рулоны и деньги делились поровну, не зависимо от выполняемой работы. За 12-часовой рабочий день 500-метровым неводом удавалось сделать 4 притонения. Сюда входило и время на обед. Завтрак и ужин проводили во внерабочее время. В-конце последнего притонения каждое звено от себя направляло двух девчат готовить обед, а также чай на завтрак и ужин. Один раз в неделю бригада обязана была сушить невод на вешалах, одновременно чиня сетки, добавляя утерянные балберы и грузила. На эту процедуру уходила одна 12-часовая смена.

Один раз в две недели бригада выезжала в поселок Усть-Хантайка в баню. Это был для нас праздник: встреча с родителями, знакомство с последними событиями в стране, иногда получали газеты и журналы и даже книги, которые посылали с оказией райкомовские работники.

Радио и электричества в поселке не было. Как-то привезли кино – так маленький электрогенератор мужчины, сменяясь, крутили вручную, но фильм «Два бойца» посмотрели до конца.

Такая особенно для молодежи относительно интересная и даже приключенческая и не голодная жизнь (ведь мы 105 спецпоселенцев получили запас продуктов да плюс бесплатная рыба) длилась у нас недолго, всего 25 дней, так как 20 июля 1942 года в нашу Усть-Хантайку доставили вторую партию людей в количестве 200 человек разных национальностей (немцев Поволжья, латышей, эстонцев, финнов, украинцев) и возрастов (от детей до стариков) и самое главное – без верхней теплой одежды (при отправке с места жительства конвой заявлял: «к зиме вернетесь»), а впереди оказались сибирская зима 1941 года и Таймырский Крайний Север 1942 года. Это был ужас для обреченных людей. Началось интенсивное массовое строительство землянок. Но это громко сказано, так как в большинстве это были не землянки, а ямы или норы, покрытые горбылем, мхом и землей высотой 1,5-м с печкой из камней-валунов, без окон (нет стекла) и освещение лучиной (нет керосина даже для лампадки-коптилки).

Еще в Красноярске при погрузке первой партии людей на наш лихтер № 15 в начале июля 1942 года я был свидетелем издевательского случая, запомнившегося на всю жизнь. На причале стояла группа «начальства», которая вела активный разговор. Как позже выяснилось, это была сопровождающая «свита» вокруг начальника НКВД Таймырского национального округа майора Овчинникова. Вижу к майору приближается средних лет мужчина, по одежде финн, и спрашивает его, показывая свой документ: «У меня просрочен паспорт, где я его могу продлить?» Начальник, не глядя в содержание документа, берет его и на глазах у всех присутствовавших людей рвет на четыре части и бросает с причала в реку, сказав: «Теперь тебе паспорт больше не нужен, иди на лихтер!» Мне стало ясно – кем мы сейчас являемся.

Этот финн прибыл с нами в Усть-Хантайку тоже 24 июня 1942 года и почему-то не вошел в состав ни одной из образованных тогда рабочих бригад. Он был одинокий, легко одетый, морально подавленный, униженный и не знал хорошо русский язык. Ходил в тундру собирать грибы, морошку, чернику, черную смородину и шиповник. Было видно, что он готовился к зимовке. И вот теперь по прибытии своих земляков этот финн около нашего дома на обрыве берега тоже начал строить землянку.

В начале августа 1942 года на общем собрании населения поселка был организован в Усть-Хантайке рыболовецкий колхоз имени Тельмана. Позже Дудинские районные власти такое название колхоза не утвердили, усмотрев, очевидно, в нем национальный немецкий подтекст. Без согласия колхозников колхоз получил название «Северный путь». Председателем колхоза была избрана член ВКП(б) Эрдман Эмилия, заместителем член ВЛКСМ Гергенредер Минну, бухгалтером Гаммершмидт Берту, медиком назначена Янкович Наталия.

Руководство колхоза стало срочно принимать меры по строительству нового жилья. Вновь прибывшие люди оказались вообще без крыши над головой, а северное лето кончается через месяц (лето-–-3 месяца, а зима-–-9). Вдоль правого берега люди стали скатывать с берега в воду обсохшие бревна и сгонять их к поселку, и затем вручную с большими трудностями женщины волоком тащили их на высокий берег к месту строительства. Были заложены два пятистенных дома. В половине одного дома была организована колхозная контора с двумя комнатами (кабинет председателя и бухгалтера и общая). Во второй половине дома жилое помещение с нарами. Второй дом – настоящий барак с двухэтажными нарами из березовых сырых жердей был с наступлением в сентябре холодов настоящим гнилым и душным жильем, так как был переполнен обреченными людьми. Ведь 19 сентября 1942 года теплоход «Серго

Орджоникидзе» доставил в Усть-Хантайку еще третью последнюю партию спецпоселенцев в количестве 135 человек. Население поселка увеличилось до 440 человек, хотя к этому времени из-за простуд и голода уже началось вымирание особенно детей из числа приезжих второй и третьей партий.

Ледостав на Енисее в 1942 года. произошел 17-октября. К этому сроку «заботливая» власть из Игарки отправила в Усть-Хантайку, Потапово, Никольское и другие поселки несколько плотов со сборными двухквартирными домами, пиленым брусом, досками. Конечно, все понимали, что необходимо спасать эти стройматериалы, так как весенним ледоходом плоты будут уничтожены. Поэтому началась многомесячная работа по выдалбливанию из льда стройматериалов, и тяжелейший подъем их на плечах женщин на высокий берег в поселок. Вид этих бедных людей можно сравнить только с зимними беженцами периода Второй мировой войны: теплую одежду и обувь заменяли мешки на ногах и плечах, и это при 30–40-градусных морозах. Начались болезни и массовая гибель людей.

Дело в том, что третья партия доставленных в Усть-Хантайку людей оказалась уже простуженной и больной, особенно дети. В Красноярске на пассажирский трехпалубный теплоход с трехкратным перегрузом весь спецконтингент разместили на главной палубе (т. наз. 4-й класс) и на двух открытых палубах на «милость» встречным осенним ветрам и туманам. Все каюты и салоны были заняты обычными пассажирами с проездными билетами. И вот, приплыв в Усть-Хантайку, так называемый спецконтингент после описанной бесчеловечной перевозки, без необходимой теплой одежды, оказался на берегу без укрытия, под открытым небом, то есть по Высоцкому: с теплохода «прямо в гроб». Так оно и получилось: с одной стороны,-нужно было немедленно строить землянку, а с другой – работать на выгрузке плотов со стройматериалами, чтобы получить рабочую продуктовую карточку. Это были рабские условия, в которые попали третья и часть второй партии вновь прибывших в августе и сентябре 1942 года. Особенно пострадали прибалты, у которых, как правило, не было теплой одежды.

Вся нагрузка по оказанию помощи людям легла на семью нашего врача Наталию Викторовну Янкович, дочь Руту, исполнявшую обязанности медсестры и сына Юрия, которые в ранее построенной на берегу землянке обустроили хороший медпункт с двумя помещениями – жилым и приемной для пациентов. Мужественная, трудолюбивая и высоко образованная женщина из Риги Н. В. Янкович ежедневно обходила все жилые дома, бараки и землянки, помогая чем могла в тех ужасных условиях больным людям.

Она организовала сбор еловой хвои и приготовление из нее отвара для лечения цынги. Каждый больной обязан был ежедневно по одному стакану выпивать этой очень горькой зеленой «отравы». Эта латышская семья в июне 1941 года была из города Даугавы выслана в Пировский район Красноярского края, а в июне 1942 года – в Усть-Хантайку. Их отец, как «враг народа», был расстрелян в Латвии в 1941-году. Такова была участь семей основной массы прибалтов.

Финн, у которого на причале в Красноярске была проблема с продлением паспорта, за осеннее время все-таки сумел около нашего дома на косогоре построить себе небольшую землянку. Копание землянки ему облегчило то, что это место оказалось старым кладбищем, из могил которого он выбросил все кости и черепа. В этой землянке хозяин прожил недолго, только до первых сильных морозов, когда он, живя в одиночестве, голодный (он получал иждивенческую продуктовую карточку, так как не работал в колхозе), не выдержав холодов, замерз в своей землянке-могиле. Такой конец жизни тогда настиг многих.

Хорошую помощь в отношении строительства оказала команда («ботские» – от слова бот, как их называли в поселке) бота, которая уже во время ледостава – хода на реке шуги – не смогла пробиться до Игарки, и вынуждена была на зимний отстой поставить свой бот на берегу нашей речки с таким расчетом, чтобы весной по высокой воде до ледохода укрыться в речке. Команда во главе с капитаном впятером из плота сами натаскали стройматериалов и собрали двухквартирный дом, в котором одну половину отдали медпункту, а во второй жили сами. В следующем году весь дом был отдан медицине. Среди ботских оказался баянист и «голодная» молодежь все-таки устраивала в суботние вечера танцы. Но главная помощь от зимовки бота населению поселка выразилась в том, что капитан поделился своими запасами топлива, и люди получили возможность освещения от лучин перейти к керосину. Только теперь можно себе представить, до какого низкого уровня тогдашняя власть опустила целый народ. Речь шла не о виживании, а о вымирании. Но об этом станет яснее позже. Труд рыбаков был очень тяжелым, и выдержать такую нагрузку мог только молодой здоровый организм. Осенью при Северном из Красноярска завозе продуктов рыбаков как наиболее выносливую рабочую силу всегда привлекали к разгрузке из плашкоутов товаров для магазина. При этом местная районная власть проявляла всю ненависть к нам. Запомнился случай, когда при выгрузке тяжелых мешков с мукой (по 70 кг) из трюма по трапу и затем на берег председатель Дудинского райисполкома Миков кричал на нас, рыбаков-грузчиков: «Шевелитесь, фашисты, сгною вас всех в Нор-р-р-рильске!» Конечно мы, мальчишки и девчонки, не могли, как мужики, професси-

ональные грузчики, таскать такие тяжести по шатким трапам быстро и безопасно, но такое обращение к нам, конечно, было не заслуженно. Карьера этого деятеля быстро закончилась, как только вернулись на Север в 1946 году первые демобилизованные фронтовики, став потом кладовщиком на стройке.

Главная сложность труда рыбака – это постоянный контакт с окружающей тебя суровой северной природой. Сухим быть невозможно, особенно, когда на реке волнение или штормит. Кстати, именно в такой момент рыба приближается к берегу, и улов наибольший. Брезентовой спецодежды и рыбацких сапогов рыбаки не получали. Работали только босиком в одежде выше колена и обогревались весной и осенью в ледяной воде, так как на суше еще или уже лежал снег. Какие факторы являлись определяющими при оценке сложности труда рыбака? 12-часовой рабочий день в любую погоду, кроме шторма на реке, физически тяжелый труд при работе с 500-метровым неводом, постоянное изнурительное окружение при работе, отдыхе и сне кровососов, нахождение в течение всего рабочего времени в мокрой одежде, работа в отрыве от семьи в необустроенных условиях и, наконец, существующая, естественно, постоянная повышенная опасность при работе на воде. Все сложности рыбацкой работы усугублялись в те годы еще и характером подневольного труда, враждебным недоброжелательным отношением районных властей, когда, например, в летнее (в июле) время при очень слабых уловах (местные рыбаки в такое время вообще неводами не рыбачили, ставя для собственного пропитания только сети), мы обязаны были все равно «цедить» воду в угоду плану, не оправдано изнашивая при этом дорогостоящий невод. Являясь местом лова ценного пищевого продукта, тоня постоянно посещалась начальством разнго уровня, а рыбаки находились под контролем, особенно со стороны спецкомендатуры (например, капитаном Степановым).

После организации в Усть-Хантайке колхоза «Сев. путь» начала расти его администрация, появились дополнительные хозяйственники, на стройке-– прораб, а над тремя рыболовецкими бригадами – освобожденный бригадир. Все эти нововведения потребовали дополнительных расходов. Из рыбацких рулонов и денежных доходов стали 40% отчислять в бюджет колхоза. В среднем годовой улов рыбы в колхозе «Северный путь» составлял 450 центнеров.

Итак, к концу 1942 года на станке Усть-Хантайка оказалось порядка 450 людей, доставленных сюда, прямо скажем, на вымирание. Основополагающим документом для массового переселения на Крайний Север людей явилось вышедшее 6 января 1942 года Постановление СНК СССР «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем

Востоке». Рыба нужна была стране и фронту. Из Игарки в Дудинку в том же году был перебазирован «Таймыргосрыбтрест», укомплектованный в основном астраханцами, высококвалифицированными специалистами рыбной промышленности, среди которых были главный инженер треста Курило, начальник производственного отдела Ершов, начальник планового отдела Волков, начальник отдела кадров Князев, директор перевалочной базы Забродин, начальник радиостанции треста Константинов и другие (деревянное двухэтажное здание треста в Дудинке сохранилось до сих пор). В системе треста были в том же году организованы небольшие рыбзаводы: Дудинский, Ошмаринский, Толстоносовский, Хатангский, Лескинский и Волочанский, а также расширен Усть-Портовский консервный завод, которые осуществляли приемку и первичную обработку рыбы. Вся система треста базировалась на рабочей силе из спецпоселенцев. Таким образом, в 1942–1943 годах на Таймыре образовалась новая отрасль промышленности – рыбная с годовой тогда по тресту рыбодобычей в среднем 60–65 тысяч центнеров. Однако, как выяснилось в 1946 году, рыбные запасы в Таймырских водоемах и в низовьях реки Енисей оказались практически настолько малыми и медленно восполнимыми, что созданная рыбная отрасль во главе с трестом оказалась нерентабельной. Авторы Постановления СНК СССР еще в начале 1942 года должны были знать, что при интенсивном лове в условиях Севера в холодной воде развитие и восстановление рыбных запасов происходит значительно медленнее, чем в теплой воде Каспийского моря или Волги. Рыбодобыча не повышалась – она стала убывать. Первым сигналом о допущенной ошибке явилась ликвидация «Таймыргосрыбтреста» с его рыбзаводами в апреле 1946 года. Вторым сигналом в том же направлении была массовая вербовка спецпоселенцев с заключением пятилетних договоров и выплатой подъемных на рыбодобычу на Северный Сахалин в 1948 году. По свидетельским данным, с Таймыра тогда через Красноярск, Владивосток и далее на Северный Сахалин выехало порядка 2000 спецпоселенцев. Этим верхами был признан факт, что в 1942 году на Таймыр было завезено неоправданно много лишнего народа. Анализ и оценку событий 1942–1948 годов на Таймыре рассмотрим позже, а пока вернемся в Усть-Хантайку. Зимой 1942-года, в начале первой нашей зимовки, по приказу председателя Потаповского рыбкоопа Бадера к нам прибыла новая продавец магазина, ранее показавшая себя с положительной стороны будучи зав. столовой в Потапове, Минна Алксандровна Вальтер. Наконец, за прилавком у нас оказалась честнейшая, доброжелательная женщина, пережившая ранее весь ужас выживания в оленьей конюшне и землянке. Будучи сама спецпоселенкой, она у руководства рыбкоопа заслуженно получила большое доверие

своим назначением на самостоятельную работу в отдельной торговой точке. Такой пост в то время для спецпоселенца можно считать почти недосягаемым. Во всяком случае в Дудинском районе он был первым. После инвентаризации при активном участии Бадера, магазин стал не только торговым местом, но и признанным населением общественным и культурным центром: была организована библиотека, попутным транспортом стали доставляться газеты и журналы. М. А. Вальтер активно посещала бараки для оказания доступной с ее стороны помощи людям, находящихся в бедственном положении. Работая в Усть-Хантайке, семья М. А. Вальтер оказалась разрозненной: сын Гаральд (1927 г. р.) был оставлен при ней, а дочь Виктория (1925 г. р.) спецкомендатурой была направлена в рыболовецкую бригаду в Прилуки на Енисее (50 км), а затем в бригаду другого колхоза – «Заполярник» – на Сиговое озеро (20 км). С мамой и братом Виктория стала вместе жить позже, осенью 1943-года. Среди многих людей того времени семья Вальтер оставила о себе на Севере добрую память.

В Усть-Хантайке, будучи «дома» или в палатке на тоне или во время работы с неводом или зимой в рыбацкой землянке, меня постоянно сопровождала мысль о необходимости получения образования. С малых лет обстановка в семье способствовала познанию всего нового, творческому труду. Мое детство началось в селе Петингер (Баратаевка) АССР НП. Мой папа Петри Отто (1893 г. р.) – бухгалтер сельхозпотребкооперации, а мама Петри (Гергенредер) Ольга (1898 г. р.) – учительница имели домашнее хозяйство: дом с надворными постройками, лошадь, корову и две охотничих собаки: гончая Аринок и на уток – Мильтон. В 1931 году, воизбежание раскулачивания, тайно ночью, бросив всю собственность, мы втроем выехали в Саратов, а затем в Москву, к брату папы – дяде Коле. С работой и жильем папа устроился в свиноводческом совхозе «Буденовец» Дмитровского района Подмосковья. Директор совхоза Тутыхин был герой Гражданской войны, но по ложному доносу в 1934 году был арестован и расстрелян как «враг народа».

Был убит Киров, обстановка в стране накалялась. Родители мои решили опять – «подальше от беды» – сменить место жительства. Тянула к себе Волга, и вот мы в Астрахани, где, кстати, подошел мой возраст для поступления в первый класс школы.

Папа мой был большой любитель охоты и рыбалки. Каждый выходной день мы проводили на природе – на Волге, в ериках, вблизи Каспийского моря. В одну из поездок в Москву папа привез мне металлический конструктор и с этого времени я стал интересоваться творчеством и наукой: в нашем доме построил электрическую железную дорогу с самодельным тяговым электромотором, маленький электросварочный

аппарат для сварки медью треснувшей рамы велосипеда, двухцилиндровую паровую машину с водотрубным котлом, которым служила толстостенная 1,5-литровая жестяная банка из под масляной краски, топливо-спирт-денатурат, а цилиндрами служили два бронзовых охотничих патрона 12-го калибра. Учебной литературой являлся очень тогда популярный среди молодежи журнал «Знание – сила».

В 1937 году в Астрахани в здании бывшего лесопромышленника Губина открылся городской Дворец пионеров. Тогда это был большой подарок для школьников. Дело в том, что это здание находилось в престижном месте центра города – на стрелке, где река Кутум впадает в Волгу, но главное, что это трехэтажное огромное здание имело красивую внешнюю и внутреннюю архитектуру. Помню, красивые тяжелые на высоких окнах шторы, бархатные перила на лесницах с низкими ступенями. В фойе постоянно работал фонтан, украшенный скульптурной фигурой. Мы, трое учеников из нашего пятого класса: Иван Чашко, Владимир Крутков и я, были очень рады, что нас приняли в судостроительный кружок, которым руководил опытный инженер-судостроитель Голубцов. Он нас научил читать судовые чертежи и строить по ним модели судов. Все свободное время мы проводили в кружке. За три года нами были построены два сейнера и речной трамвай «Москва» размером в полметра. Испытания проходили перед Дворцом пионеров на реке Кутум, фото моделей сохранены. За активную и творческую работу дирекция Дворца пионеров наградила меня Почетной грамотой, которая так же сохранилась до сих пор. Это было детство, отмеченное официально.

Однако сталинский террор все-таки не обошел нашу семью: 13 июня 1938 года в нашем доме 5 в переулке Герцена в Астрахани был арестован в возрасте 45 лет мой папа Петри Отто. С двух часов ночи до пяти утра шел обыск в комнатах, дворе и сарае. Конфискованы были охотничье ружье «Sauer» и принадлежности к нему, семейные золотые украшения, а также был описан весь дом (мама теперь не имела права его продать после ареста). До сих пор у меня (мне тогда было 12 лет) перед глазами, как офицер зачитал ордер на арест: «...по постановлению... Петри Отто Иванович, немец, 1893 г. р. подлежит аресту...» «Кого желаете пригласить в качестве понятого?» «Соседа Пивцова Александра Афанасьевича», – ответил папа. При уходе из дома последние слова папы были: «Левушка, слушайся маму». В этой ситуации тремя словами папа выразил полное отсутствие веры в справедливость, и что больше ему не дадут вернуться домой. Сколько слез проливала мама ежедневно, когда наступало время (5 часов вечера) прихода папы с работы. Летом я часто в это время на трамвайной остановке у рыбного магазина его встречал, и он обязательно покупал мне мое любимое на палочке и в шоколаде за

20 копеек мороженое «Эскимо», а затем запивали стаканом за 10 копеек вкусным холодным «Баварским» квасом. Как-то папа, придя с работы, начал подозрительно крутиться вокруг меня. После ужина он взял мой школьный дневник и, посмотрев оценки, сказал: «За отличную учебу я купил, Левушка, тебе готовальню». В те годы это был ценный подарок для 4-классника. Эта готовальня мне служила все школьные, студенческие и аспиранские годы. Папа выписывал 2 газеты – центральную «Известия» и местную астраханскую «Коммунист». Еще в дошкольные годы папа любил мне читать сказки Пушкина и стихи на немецком языке Шиллера. В доме у нас имелся патефон с большим набором пластинок (запомнилась пластинка с песней со словами: «У самовара я и моя Маша, а на дворе совсем уже темно») и лучший в те годы радиоприемник СВД-4, который нам из Москвы прислал дядя Коля. Папа очень любил природу, был удачливым рыбаком и охотником. Все свои отпуска он брал в октябре м-це с таким расчетом, чтобы они заканчивались накануне трех дней октябрьских празников. В это время в устье Волги разрешалась ловля рыбы сетями и осенняя охота на водоплавающую птицу. На нашей моторке, построенной двумя мастерами лодочных дел у нас на дворе в 1935 году, с двухтактным шведским двигателем «Болиндер», 5 л. с., на нефти, 600 об/мин, с каютой и парусом папа с Федором Федоровичем Кляйном, с сотрудником с работы Смирновым и с охотничей собакой Альфой уплывали по ерикам (речкам) к морю. После, как обычно, удачного возвращения домой больше всего труда доставалось маме-– нужно было немедленно коптить рыбу и обрабатывать уток и гусей. Сазаны горячего копчения в нашей русской печи на опилках хорошо сохранялись и были очень вкусны. Птица тоже коптилась. Все наши постельные принадлежности были набиты только пухом (в Сибири в 1941 году мама их меняла на картофель и муку). Папа очень любил классическую музыку. Помню, летом 1937 года в Астрахани гастролировал, прибывший из Москвы, Государственный театр оперы и балета во главе со Станиславским, всю гастрольную программу которого посетили мои родители. Спектакли проходили в самом лучшем летнем театре нижнего Поволжья «Аркадии». Очень жаль, что в 60-е годы этот шедевр деревянного зодчества и искусства во время пожара полностью сгорел и до сих пор не восстановлен.

Безвинная гибель папы сильно отразилась на здоровье мамы, которую я своей хорошей учебой поддерживал. Когда в пятом классе после очередного экзамена я возвращался домой и стучал в дверь, мама всегда спрашивала: «Кто тут?» Я отвечал: «Отлично». На «хорошо» что-то ответов не помню.

Приговор папе был исполнен 20 октября 1938 года. 31 декабря 1957 года папа посмертно полностью был реабилитирован из-за отсутствия состава преступления. Возникло непреодолимое желание познакомиться с папиным уголовным делом, чтобы понять, как при отсутствии состава преступления мог состоться расстрельный приговор? В 70-е годы по моему заявлению в Москве нам с женой Викторией была предосталена возможность познакомиться с уголовным делом папы, которое прислало Астраханское окружное МВД. На Лубянке очень вежливо нас принял в кабинете полковник, который принес папино дело № 10016, составленное Астраханским ОКРО НКВД по статье 58–1«а» УК РСФСР на Петри Отто Ивановича, немца, 1893 г. р., арестованного 13 июня 1938 года, приговор – расстрел исполнен 20 октября 1938 года. Полковник, пролистав папку, состоящую бувально из десяти не более листов, вырвал папин паспорт и профсоюзный билет с фотокарточкой из дела и все вместе отдал нам для чтения. Виктория не могла читать без слез. Допрашивался папа оперуполномоченным отдела УГБ Астраханского ОКРО НКВД мл. лейтенантом Лисицыным всего только один раз – 25 июня 1938 года. Как обратил наше внимание полковник, протокол допроса, который писал Лисицын, не имеет поправок и явно переписан начисто, так не бывает при допросах арестованного, то есть допрос сфабрикован. С разрешения полковника мы сделали несколько выписок из наиболее важных для нас бумаг:

1. № 34495, от 2 августа 1934 г., Москва, пл. Дзержинского, НКВД, Сталинград, управление НКВД СССР по Сталинградскому краю, Сарину. Из Москвы в Астрахань на постоянную работу выехал участник контрреволюционного фашистского формирования немцев, связанных с германским посольством в Москве, передающих секретную информацию о положении немцев в СССР, гр-н Петри Отто Иванович, бывший торговец и кулак. СПО ГУГБ просит срочно установить за Петри О. И. наблюдение и агентурно разработать его, обратив особое внимание на вскрытие его астраханских иногородних связей. Петри О. И. и связанных с ним лиц, без нашей санкции не оперировать. Пом. начальника секретного политотдела ГУГБ (Горб).
2. В Астраханский окр. НКВД поступили сведения о связи с германским посольством Петри О. И.
3. Петри Александр Федорович бывший владелец мукомольной мельницы, раскулачен, с 1929 г. до настоящего времени скрывается. Его семья в 1930 г. проживала в г. Вольске, а с 1931 г. проживала в Москве на квартире Петри Райнгольда Ивановича.
4. Начальнику учетно-архивного отдела УКГБ по Красноярскому краю. Просим объявить гр-ну Петри Льву Оттовичу, что его отец Петри

Отто Иванович, 1893 г. р., 28 сентября 1938 г. был осужден на 10 лет ИТЛ, отбывая наказание, умер 20 января 1944 г. от паралича сердца в местах заключения. Дату объявления просим сообщить. Начальник учетно-архивного отдела УКГБ по Астраханской области, подполковник Аношкин. (Это письмо лживое, так-как папа расстрелян еще 20 октября 1938 года, а не умер в лагере в 1944 году.)

5. Начальнику упр. милиции по Астраханской области. № 8–1–011 от 4.12.57 г. В соответствии с распоряжением КГБ № 108 сс, прошу Вашего указания зарегистрировать в Астраханском городском ЗАГСе смерть гр. Петри О. И., который, отбывая наказание, умер в местах заключения 20 января 1944 г. от паралича сердца. Выслать в Красноярск сыну. Нач-к упр. КГБ по Астраханской области, полковник Охапкин. (Это письмо продолжает лживую версию предыдущего письма.)
6. По вопросу реабилитации папы в его защиту в ноябре 1957 года выступали свидетели. Пивцов А. А., в протоколе допроса сказал, что «Петри О. И. был милейший человек и никогда не интересовался и не говорил на политические темы. Мы, соседи и друзья, вечерами, сидя на завалинке, попивали прохладное пиво, говорили о городских новостях, о Волге и рыбалке, где в очередной выходной день мы с семьями бывали на природе. О. И. Петри не мог быть преступником, он явился жертвой беззакония». Другие свидетели – Мунц А. К., Герлах М. А., Пустовой-В. В., Киселев Е. И., Гергенредер А. И. характеризовали папу только положительно.
7. Жертвами вместе с папой оказались: Кляйн Ф. Ф. (гл. бухгалтер астраханского городского управления торговли), расстрелян 28 сентября 1938 г., Мунц К. Л. (гл. бухгалтер Севкаспрыбсбыта), расстрелян 28 сентября 1938 г.
8. Постановление «тройки» УНКВД по Сталинградской области от 28 сентября: а) Петри О. И. – расстрелять, б) конфисковать все имущество. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.
9. Приговор папе исполнен 20 октября 1938 года. В деле на последней странице три подписи («тройки») и четвертая подпись врача, подтверждающего смерть папы после расстрела.
10. В деле по вопросу о реабилитации имеется заключение Военного Трибунала: «Материалов, послуживших основанием для ареста Петри Отто Ивановича, в деле не имеется. Допрашивался один раз 25 июня 1938-года. Показания обвиняемого Петри О. И. в процессе следствия не проверялись».

Итак, теперь оказывается, что для ареста папы даже не было никакого основания, тем более для принятия против него любых репрессивных

мер! После прочтения и записей (наш визит в КГБ длился 1 час 40 минут) папиного дела № 10016 у нас с Викторией сложилось двойственное чувство, с одной стороны – скорее уйти из этого проклятого всем народом России в центре Москвы серого здания ЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, в которое «подследственные» люди только входят, но не выходят, а с другой стороны – хочется как можно больше выяснить о «виновности» папы. Мне до сих пор очень жаль, что я не переписал несколько страниц протокола единственного допроса папы от 25.06.38-года, ведь принимавший нас и сочувствующий нам полковник КГБ не запретил нам делать записи. Однако внутренний страх от мысли «где мы находимся» выталкивал нас на улицу, слишком высоки были нервные переживания. «Добрый» полковник выразил нам слова соболезнования по случаю безвинной гибели папы, сказав: «Слава Богу, что те годы государственного произвола и беззакония больше не вернутся». Дай-то Бог. После визита к чекистам мы пошли рядом в сквер у Политехнического музея и сели рядом с камнем «Жертвам политических репрссий 1917–1950 годов» и стали молча от пережитого приходить в себя. Полностью ознакомившись с делом следует признать, что для послесталинского периода состава преступления папа не имел, и реабилитация ему вынесена правильно. Но если обвинение соотнести к периоду террора 1937–1938 годов, когда люди подвергались преследованию по национальному признаку, то немецкая национальность папы являлась самым главным преступлением обвиняемого, хотя в официальной пропаганде и по Конституции СССР национализм тогда уголовно не преследовался. Однако решение Кремлевских вождей было иное: немец – это «враг народа», и подлежал в те годы уничтожению.

Нами сохранен папин «Трудовой список» (теперь это – «Трудовая книжка»), составленный в 1937 году, о его деятельности в советское время вплоть до ареста. Этот официальный документ показывает, что его работа ничего общего не имеет с той характеристикой, которая приведана в его уголовном деле № 10016. Ниже приводим этот список:

Ф. И. О.: Петри Отто Иванович.

Общие данные о прохождении службы:

1. Родился в 1893 г., декабря мес., 1 числа.
2. Национальность – немец.
3. Социальное положение – служащий. (Справка Баратаевского сельсовета от 18 июня 1931 г.)
4. Образование – незакон. среднее.
5. Профессия – бухгалтер.
6. Партийность – безпартийный.

7. Член профсоюза с 1918 г. (Членский билет№ 21480–0009.) На военном учете 2-й очереди 1 гр. 1 катег. (Личная книжка.)

Данные о прохождении службы:

1. 1915–17 г. Рядовой старой армии. (Личная книжка Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Марксштатский военкомат.)
2. 1918–21 г. Бухгалтер Многоловки. (Удостоверение от 2 ноября 1921 г.)
3. 1922–24 г. Уполномоченный Обкомгола. (Мандат от 24 марта 1924 г.).
4. 1924–26 г. Бухгалтер табачной фабрики «Трактор». (Удостоверение от 10 февраля 26 г. № 5192.)
5. 1926–29 г. Бухгалтер Сельхозтоварищества. (Отзыв от 15 июля 1929 г. №-292.)
6. 1929–30 г. Бухгалтер Баратаевского района Таб. т-ва. (Отзыв от 20 июня 1930 г.)
7. Бухгалтер колхоза «Спартак». (Отзыв от 5 октября 1931 г. № 491.)
8. 1931 г., октябрь. Принят на работу в Дмитровский свиносовхоз в качестве ст. бухгалтера. (Приказ № 9 от 1 ноября 31 г.)
9. 1934 г., апрель, 5. Освобожден от занимаемой должности 5 апреля 1934-г. согласно поданному заявлению по личному желанию. (Приказ № 147 от 4 апреля 1934 г.) Подпись директора совхоза, печать.
10. 1934 г., сентябрь, 22. Зачислен в «Севкаспрыбсбыт» на должность ст. бухгалтера сводной части. (Приказ по СКРСбыту № 165.)

На этом данные о прохождении службы в «Трудовом списке» кончаются, так как 13 июня 1938 года Астраханским ОКРО НКВД папа был арестован. За три с половиной года активной и хорошей работы в «Севкаспрыбсбыте» папа неоднократно был отмечен премиями, о чем в «Трудовом списке» имеются следующие записи:

11. 1935 г., март, 21. Премирован 450 руб. за активное участие в составлении годового отчета за 1934 год. (Приказ 26 от 21 марта 1935 г.)
12. 1935-г., август, 1. Премирован 150 руб. за работу 2-го квартала. (Приказ 71 от 1 августа 1935 г.)
13. 1936 г., февраль, 23. За работу по годовому отчету премирован 325 руб. (Приказ 228 от 23 февраля 1936 г.)
14. 1937 г., январь, 25. Премирован в сумме 325 руб. за годовой отчет 1936 г. (Приказ 22 от 25 января 1937-г.)

Папа в жизни был активным человеком. В этой связи следует обратить внимание на пункт 3 его «Трудового списка». Как известно, в связи с поголовной конфискацией у крестьян зерна и введенным Лениным «военного коммунизма», в начале 20-х годов в стране разразился страшный голод, охвативший также и все Поволжье. Немецкими кантонами

был образован комитет по борьбе с голодом – «Обкомгол». Одним из его руководителей был брат папы Петри Николай Иванович, который вокруг себя собрал активную честную молодежь (Вальтер Теодор Иванович, Руш Виктор Абрамович, Петри Отто Иванович и другие). Все были вооружены наганами (на Юге страны в те годы орудовали банды грабителей), эта команда с мандатами «Обкомгола» выехала в город Баку за рисом. Поездка оказалась удачной – в городе Энгельс было доставлено несколько вагонов этого ценного продукта. Из сопровождающих вагоны уполномоченных комитета никто от банд не пострадал. Как записано в «Трудовом списке», папа участвовал в системе этого комитета по спасению людей от голодной смерти в течение двух лет – с 1922-го по 1924 год.

Мама (1898–1976) после ареста папы всю оставшуюся жизнь себя казнила за то, что, видя проходящие тогда по стране и в Астрахани массовые аресты, даже соседей и сотрудников, особенно немцев (например, гл. бухгалтера на папиной работе Мунца, друга Клейна и др.), не переехали в третий раз на другое место жительства! Проявили с папой жалость к собственности – к дому, к моторке и прочему? Или ослабла прежняя сила духа, и притупилось чувство предвидения надвигающейся опасности? Я хорошо помню (мне тогда было уже 12 лет), когда мои родители вели разговор на эту тему. Папа тогда сказал: «Я могу понять, что из Баратаевки мы тайно уехали, так как имея лошадь и корову, нас могли раскулачить и сослать куда угодно. Но сейчас-то за что меня арестовывать, будучи рядовым служащим в государственной конторе рыбной отрасли? У меня нет ни единого преступления перед государством!» Папа не мог признать того, что невинный человек арестован быть не может. О его «вине», что он немец, тогда, в конце 1930-х годов в советской пропаганде речи не было, тем более, что, как известно, в это время происходило сближение политики Сталина с Гитлером. Все это вместе взятое притупило в отношении семьи бдительность папы. Уже позже, после папы, мы с мамой оказались, как и миллионы других людей, репрессированными по политическим мотивам и национальным (немецким) признакам – невинно!

До конца жизни вся наша семья: я (1926 г. р.), моя жена Виктория (1925-г. р), сын Виктор (1950 г. р.), его жена Наталия (1953 г. р.), их дети-– дочь Юлия (1976 г. р.) и сын Николай (1981 г. р.) сохранили дорогую и светлую нам память о папе, дедушке и прадедушке Петри Отто Ивановиче, похороненном после расстрела 20 октября 1938 года в какой-то братской могиле с другими «врагами народа» Астраханского ОКРО НКВД.

Тяга к знаниям сопровождала меня всю жизнь. И вот, когда в Усть-Хантайке весной 1944 года я увидел в газете «Советский Таймыр» объявление о том, что в Норильске открывается горно-металлургический техникум, то сразу же выслал документы, тем более, что имел право быть принятым без вступительных экзаменов, так как окончил в 1941 году в Москве седьмой класс отличником. Начало занятий – 15 октября 1944 года. Между сменами на рыбалке в палатке начал читать и вспоминать математику и физику, благо учебники нашлись. Жизнь пошла веселее. Однако у меня появились две проблемы: придется с Викторией Вальтер дружить на расстоянии. С ней мы познакомились полгода назад 17 декабря 1943 года, и в морозную полярную ночь при яркой полной Луне объяснились. Это была у обоих первая нежная дружба и любовь, сохранившаяся до сих пор. Другая проблема – получить колхозную справку с места работы для предъявления в техникум. Охота за справкой длилась до сентября – правление колхоза «Северный путь» не хотело отпускать бригадира. Но голь на выдумки хитра. Вместо справки я получил арест, который мне объявил комендант спецкомендатуры капитан Степанов: оказывается правление колхоза против меня возбудило уголовное дело за то, что я якобы сгноил невод, и подало на меня заявление в Дудинский районный суд. Мне на сборы было дано 10–15 минут, чтобы успеть с попутным пароходом «Мария Ульянова», который уже дал первый гудок и под надзором Степанова выехать в Дудинку. В пути было время, чтобы еще раз обдумать с начала моего детства постоянный в семье страх после ареста и расстрела в марте 1938 году в Москве дяди Коли, ареста 13 июня того же года и затем расстрела моего папы – обоих как «врагов народа», (посмертно реабилитированных в 1957 году). И вот я в возрасте 18 лет еду туда же в тюрьму. В Дудинке Степанов в Окружном управлении НКВД конфисковал у меня все продуктовые рулоны, деньги, авторучку и ремень. Милиционер отвел меня в КПЗ (камеры предварительного заключения, то есть Дудинскую тюрьму). В камере меня встретил сидящий «калачиком» на нарах молодой человек. Я его угостил хлебом, сливочным маслом с сахаром. Выслушав мою беду, он безоговорочно заявил, что мое дело относится к 220-й статье УК (халатность). По этой статье меня не осудят при единственном условии – не подписывать ни одной бумаги, тогда свобода обеспечена. Своему зэковскому адвокату я поверил. В первую же ночь Степанов меня вызвал и, дав мне прочитать мое дело из нескольких листов, стал требовать подписать. Здесь я узнал, где собака зарыта. Оказывается, чтобы доказать, что я как бригадир сгноил невод, правление колхоза сравнивало несравнимые вещи: невод моей бригады сравнивался с двумя неводами других двух бригад, но их сравнивать нельзя, так как наш невод находился в работе два года

(это был тот самый невод, который первым стал эксплуатироваться еще инструктором Богдановым), а другие невода двух других бригад служили только по одному году и, естественно, находились по износу в лучшем состоянии, чем наш. Правление при этом забыло, что перед началом сезона весной 1944 года нашу бригаду то же правление хвалило за то, что наш невод за двухлетнюю работу требует меньшего ремонта, чем другие невода. Сравнение прочности ниток сети неводов при примерно в два раза большем нахождении в воде одного по отношению к другим по уровню их гниения несравнимы. Тот, который был в воде в два раза дольше, при прочих равных условиях, естественно, и больше сгнил. Поэтому концепция правления колхоза в оценке невода нашей бригады не состоятельна. На этом основании я и отказал Степанову в подписи обвинения. На его крики и угрозы я не реагировал. Правда, рукоприкладства он не допускал. Допрос через несколько дней ни к каким изменениям в моем деле не привел. Мой «камерный адвокат» торжествовал. В конце недельной сидки пришел милиционер, и повел меня в районный суд, где меня принял судья, белый как лунь старичок Лебедев. «Ну рассказывай, Петри, что натворил?» Сказав, что нашей бригадой по количеству, времени и качеству весь технологический процесс эксплуатации невода точно соблюдался, а со стороны правления колхоза обвинение совершенно не обосновано, и поэтому считаю в предъявленном обвинении себя невиновным. Судья сказал: «Ты свободен, пригласи милиционера», который находился в соседней комнате. До КПЗ мы шли, поменявшись местами – теперь он впереди, а я сзади. В последний раз милиционер открыл нашу камеру, где мой «адвокат» поздравил меня с освобождением, а я его – с выигранной защитой, оставил ему все продукты и мыло. Степанов меня уже ждал. Без церемоний и коментариев о проваленном деле он стал по списку возвращать мои конфискованные вещи. Вернул он все, и вдруг вижу, что недостает авторучки. Он заметил и говорит: «Не ищи, я авторучку потерял, убыток небольшой». Я не возразил, так как был рад скорее выйти из этого страшного двухэтажного здания НКВД. Однако, германскую авторучку, прекрасного качества, которую в связи с отличным окончанием в Москве в 1941 году седьмого класса мне подарил старший брат моего папы дядя Карл Иванович Петри (1875 г. р.), который после ареста моего папы взял меня в Москву к себе на воспитание, мне было очень жаль. Позже я видел на рынке спившегося этого коменданта, продававшего курево и всякую мелочевку, – он был уволен из органов НКВД, очевидно, за преступное использование служебного положения.

С выходом на свободу меня приняла знакомая мне добрая немецкая семья сапожников Роппельтд – пожилые отец и мать с сыном Альфон-

сом и дочерью Викторией – оба моего возраста. Уже шла первая половина октября, зима, снег, скоро начало занятий в техникуме. Я выехал из Дудинки на сдующий день по узкоколейной железной дороге в город Норильск. Ехали 90 километров 12 часов, так как было несколько снежных заносов железной дороги, и пассажирам пришлось брать в первом товарном вагоне ваги, ломы и лопаты для очистки пути. Сошедший с рельсов маленький паровозик деревянными вагами и ломами мы поставили на рельсы и поехали дальше. В пути один раз заправлялись водой и углем. Норильск пассжиров встретил жестким контролем документов со стороны чекистов, ведь мы прибыли в зону сплошных «врагов народа» с 75-тысячным контингентом со сроками от 10-ти до 30 лет. Мой «белый паспорт» (справка спецпоселенца, выданная спецкомендатурой), совместно с приглашением на учебу в техникум не вызвало у контролеров возражения. Я пошел в техникум по улице, обе стороны которой были сплошные концлагеря заключенных с колючей проволокой вокруг бараков и сторожевыми вышками. В памяти сохранилась картина, которую в своей жизни я никогда больше не видел: в зоне были две кучи одежды высотой с барак – одна с военной формой германских солдат, а другая – их обувь. По обоим кучам, как муравьи, ползали зэки, подбирая себе одежду по росту. Мороз был в то время где-то 20–30 градусов. Зэки очень торопились, так как были полураздетыми вплоть до белого нижнего белья. Это было «самообслуживание при промтоварном снабжении врагов народа». Техникум встретил двухэтажным учебным корпусом и двумя жилыми для студентов бараками, выгороженными колючей проволокой из зоны. Каждый барак на 25 студентов по специальностям: горное дело и металлургия цветных металлов. В бараках по 25 железных кроватей (у зэков двухэтажные нары), по две кирпичные печки и по одному умывальнику на 10 сосков, общая на барак вешалка и при каждой кровати тумбочка, общий стол для выполнения уроков. Регистрацию всех прибывающих студентов проводил зам. директора горно-металлургического техникума Акулов. Я попал во второй барак по специальности металлургия цветных металлов. В столовой было организовано для нас трехразовое хорошего уровня питание. На первом занятии мы встретились со своими преподавателями по математике и физике. Их глаза светились от счастья оттого, что они, как и в былые дозэковские годы, видят перед собой молодых людей – студентов, которым они в техникуме собираются преподносить основы наук на уровне высшей школы, так как их знания академиков, профессоров столичных вузов не могут опуститься до уровня средней школы. Техникум был ведомственного подчинения, и поэтому учебную программу имел в соответствии своим интересам и возможностям. А возможности были

максимальными – преподаватели только высшей категории, именно такие при диктатуре пролетариата и являлись, как известно, «врагами народа». Это были авторы известных учебников и книг по различным областям науки и техники, их лекции слушались затаив дыхание, конспектировались дословно, так как учебников не было вообще или были единицами и распределялись один на многих студентов. Неделя для меня пролетела как во сне, я вошел в новый мир, мир науки, мир великих людей и мыслителей. Через несколько дней жизни в бараке я почувствовал, что стал становиться носителем не просто вшей, а их массы. Во время учебных занятий я чувствовал, как они ползают по шее, за ушами, я их незаметно от соседей щелкал. Думаю, что вши ко мне переселились через общую вешалку верхней одежды. Мыла у меня не было, так как я его отдал в Дудинском КПЗ своему соседу по камере. Однако всю эту вшивую проблему в конце недельной учебы очень просто и быстро решил Акулов, выгнав меня из техникума, как только узнал, что я немец. Дело в том, что каждый из нас при переездах в то время по месту жительства получал справку по форме № 7 о том, что ты по такое-то число данного месяца сдал продуктовую и промтоварную карточки и по приезду на другое место получал новые карточки. Я же, как рыбак находился на так называемом целевом снабжении и получал не месячные карточки, а рулоны за сданную рыбу. Акулов обратил внимание, что я ему не сдал форму №7, и вызвал меня. Я ему все объяснил. Тогда он меня спрашивает: «Как ты попал на Таймыр?» Я ответил, что был доставлен в 1942 году сюда как спецпоселенец и работал рыбаком. «Постой, а ты какой национальности?» Я ответил, что немец из Москвы. «Вот что, Петри, техникум для немцев мы не организовывали. Иди». Выходя из кабинета, я заметил, как он в списке нашей группы против моей фамилии поставил крестик. Утром вышел приказ: «...по собственному желанию Петри Л. О. исключить из техникума». Студенты увидели этот приказ и мне сказали, что это исключение – обман и незаконно. Иди к прокурору Норильска. Я пошел. Прокурор сказал мне то же самое, что и Акулов: «Езжай, Петри, в свой колхоз. Техникум мы для немцев не строили». И я поехал, но только до Дудинки, где мои добрые старички помогли мне частым гребешком, мылом и прожаркой в бане навсегда избавиться от «спутников» человека. Обобщая, теперь можно сказать, что одним крестиком Акулов избавил меня сразу от двух моих проблем – опасных насекомых и образования. Было страшно больно и обидно за несправедливую утерю связи с наукой, творчеством, контактов с большими умными людьми. И хотя я явился в отношении образования по национальному признаку политической жертвой, тем не менее движение вперед не остановилось.

Уже знакомый нам майор Овчинников дал мне разрешение остаться и работать в Дудинке, написав на моем заявлении: «Коменданту Дудинки. Поставить Петри на учет». Это в то время для меня была большая победа. В техникуме я был рад, что учусь. Наблюдая за 50-ю студентами я обнаружил, что я единственный среди них спецпоселенец, но, как уже сказано, меня быстро разоблачили. В 18 лет проигранная победа – это еще не трагедия в жизни!

Жизнь в Дудинке с ноября 1944 года началась с продолжения дружбы с Юрием Янковичем, с которым в 1942 году в шторм мы плыли на лодке по Енисею за продуктами для голодной бригады. Он сейчас проживает в Риге, а я в Гамбурге, но наша, начатая в юношеские годы дружба, продолжается до сих пор. Так вот, в Дудинке я нашел Юру, который работал десятником и нормировщиком в строительстве, и попросил его помочь мне устроиться на работу. Он познакомил меня с директором перевалочной базы Таймыргосрыбтреста Забродиным, который на следующий день свел меня с начальником отдела кадров треста Князевым. Судя по всему, мне пошли навстречу и устроили учеником в плановый отдел треста из-за того, что я все-таки был астраханцем, а ведь весь коллектив треста, его руководство состояло из специалистов рыбной промышленности из Астрахани, которые в 1942 году были направлены в Игарку, а затем на Таймыр для организации Таймыргосрыбтреста и его предприятий (рыбзаводов, рыболовецкого флота и транспорта). Моим руководителем стал нач. планового отдела Волков, квалифицированный специалист-экономист, добрый и трудолюбивый человек. Мой оклад был 400 рублей (минус военный, бездетный, подоходный налоги), на руки получал порядка 250 рублей, которых с трудом хватало для выкупа продуктовой карточки служащего. Питался я в столовой, куда сдавал всю продуктовую и хлебную карточки. В течение целого года столовского питания я постоянно голодал и думал постоянно о еде. За время войны, жизни на Таймыре, в Сибири и в студенческие годы это был единственный случай, когда в течение года я голодал. Действительно, кусок хлеба и овощная похлебка с учетом недовлажения в блюда не могла быть нормальным питанием для молодого организма. Но деваться было некуда. И хотя живот был пуст, на танцы в клуб порта мы с Викторией каждую субботу ходили. Молодость и любовь делали свое дело. Через 3 месяца меня перевели на должность экономиста по учету с окладом 600 рублей. Теперь я уже позволял себе в течение месяца еще купить на рынке две буханки белого хлеба и поллитровую банку сливочного масла.

Служебная и просто человеческая обстановка в коллективе управления треста была очень доброжелательной, не было никаких намеков, что я спецпоселенец и нахожусь на учете в комендатуре НКВД или явля-

юсь немцем. Через несколько месяцев меня впервые приняли в профсоюз работников рыбной промышленности. Работа шла дружно и хорошо, как вдруг погиб главный инженер треста Курило. Вылетев из Игарки в Дудинку (около 400 км) двухместный самолет «кукурузник» попал в жестокую пургу. Погибли пилот и пассажир, которым был Курило. Как нам сообщил управляющий трестом, не было необходимости в неустойчивую погоду лететь на таком маленьком самолете. Была возможность дождаться лучшей погоды и рейсовым «Дугласом» добраться домой. Но наш гл. инженер был очень активным человеком и не согласился тратить лишнее время. Весь коллектив управления треста очень скорбил по безвременной гибели крупного специалиста.

Все астраханцы относились ко мне с большим вниманием и видели, что я стремился использовать мои новые знакомства как профессиональную школу. Это были для меня учителя. Бывая в разных отделах и прислушиваясь к разговорам на производственные темы, я начал оценивать и познавать новую для меня работу. Особенно близко мы сдружились с начальником производственно-технического отдела треста Ершовым, опытным инженером и добрым советчиком по разным вопросам.

Полгода я прожил в семье Роппельтд, большое ей спасибо, и вот в мае 1945 года меня к себе в трестовскую комнату взял начальник радиостанции треста Константинов, с которым мы дружно жили, пока ко мне не приехала моя мама из Норильского концлагеря. Тогда мне трест предоставил в «балке» небольшую комнатку, за досчатой перегородкой которой жила одна молодая пара. Электрический свет был слабый – лампочка светилась при красном накале, кухня была общая с соседями.

С мамой особая печальная история. Когда нас с мамой и тетей Минной весной 1942 года из села Ораки Шарыповского района Красноярского края депортировали на Север, мама на вещи обменяла у местных сельчан мешок белой муки и 5 кг топленого масла. Все эти продукты были помещены в железный жбан с запирающейся висячим замком крышкой. Этот жбан нам «помогал» до осени 1944 года пока мама не была назначена руководством колхоза «Северный путь» пекарем в пекарне Усть-Хантайки. Предвидя возможные незаслуженные обвинения в воровстве муки, мама немедленно при переезде из домика, где мы жили, об этом жбане договорилась с одной из наших близких знакомых (еще по г. Энгельсу) сохранить его у них в доме. В один из дней мама пошла к этой знакомой, чтобы взять немного хорошей белой муки («крупчатки») из жбана и обнаружила его пустым – нет муки и нет масла, хотя замочек висел на месте. Дабы спасти себя хозяйка дома тут же с клеветой доложила коменданту о якобы хранившейся в жбане муке,

украденной мамой в пекарне. Капитан Степанов быстро состряпал «уголовное дело» и отправил в Дудинский районный суд, через который незадолго до этого я «прошел», но был, как выше сказано, оправдан. Маму осудили на 5 лет, хотя никаких доказательств не было – голая клевета и ложь, с отправкой в Норильский концлагерь. В заключении к ней отнеслись с пониманием (мама была уже больной человек) и добротой, предоставив ей легкую работу в тепле. Обо всей этой истории я узнал только в ноябре, вернувшись из Норильска. С окончанием войны в 1945 году мама сразу же в мае была амнистирована и прибыла в Дудинку, где мы с большой радостью встретились. Теперь, можно сказать, вся наша семья прошла советские тюремные камеры: папа (в 1938 г. невинный расстрел), мама (в 1944 г. – без вины срок 5 лет) и я (в 1944 г. – без вины обвинен) оказались уголовниками. Сталин поделил всех людей на подследственных (те, кто еще на свободе) и на подсудимых (те, кого освободили от свободы). Такова была реальность его режима тех лет.

День Победы я встретил, идя на работу. При подходе к зданию треста вдруг с высокого крыльца слышу крик: ПОБЕ-Е-Е-Д-А-А-А!!! В 13 часов митинг! На центральной площади Дудинки полностью забитой народом, на быстро сооруженной трибуне с красным кумачем стояло все окружное и городское начальство, включая и известный нам наш «друг» Миков. Гремел духовой оркестр. Ликовали люди, сбылась мечта – Победа! В журнале «Дудинка» № 2 за май 2002 года помещен фотоснимок того митинга, на котором я был.

Осенью 1945 года для меня была вторая большая радость, когда в Дудинке открыли вечернюю среднюю школу рабочей молодежи. Все мои друзья из числа спецпоселенцев, в том числе и я, записались в школу. Для меня требовался восьмой класс. Наступила счастливая и трудная пора ежедневных школьных занятий с 18 до 22 часов после работы. С учебниками и художественной классической литературой было чрезвычайно тяжело – существовали очереди на отдельные книги, которые можно было получить только на одну ночь. Учителями были квалифицированные специалисты, особенно выделялись бывшие репрессированные инженеры по математике и физике, обучавшиеся до ареста в Москве и Ленинграде. Основной состав учеников, полностью заполнивших классы, состоял из молодежи, потерявшей из-за войны по несколько лет учебы в дневных школах. Учителям было тяжело работать с учениками с разным уровнем подготовки. Особенно страдали отставанием фронтовики с сельской подготовкой. Иностранный язык (немецкий) начинали с нуля. Но относительное житейское благополучие длилось недолго – в апреле 1946 года Таймыргосрыбтрест был ликвидирован, и я остался без работы. Весь наш плановый отдел (5 человек), кроме началь-

ника Волкова, вынужден был остаться в Дудинке, так как мы были под комендатурой НКВД, тогда как астраханцы могли вернуться на Волгу.

На новое место работы, теперь уже второй раз опять помогла семья Янковичей. Врач Наталия Викторовна свела меня с бывшим зэком, работавшим в плановом отделе управления Дудинского порта Норильского горно-металлургического комбината НКВД СССР, а тот – с его начальником Розановым (тоже бывший зэк), который направил меня в плановую группу отдела водного транспорта порта, где руководителем был зэк Соловьев из Ленинграда, осужденный по «Кировскому делу» по статье «ЧТО» (член троцкистской организации). Наша плановая группа и весь отдел водного транспорта находились в зоне 4-го лаготделения, куда вход по пропускам, так как работали среди заключенных, осужденных по политическим статьям – «враги народа». Этот пересыльный лагерь прошли в сталинское время один из первооткрывателей недр Норильска Урванцев, бывший адъютант Котовского писатель Гарри, ученый-историк Гумилев, известные артисты Смоктуновский и Жженов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мильчанов. В порту работала дочь расстрелянного секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева, сосланная на Таймыр с матерью как члены семьи «врага народа». Не смогла пройти мимо этого лагеря и знаменитая на весь мир балерина Уланова. Тогда в нашем лаготделении действовала зэковская заповедь: не верь, не бойся и не проси...

Отдел водного транспорта возглавлял талантливый инженер-судостроитель, ленинградец, бывший зэк Разин, гл. бухгалтер – бывший главный бухгалтер Ростовского пароходства зэк Хитрин, капитан порта – высококвалифицированный рейдового флота Бирдюгин, диспетчер рейдового флота – бывший московский конферансье зэк Филипов, диспетчер рейдового флота – бывший первый штурман корабля «КИМ», доставивший из США в Одессу самолет Чкалова после беспосадочного перелета через Северный полюс зэк Айзенберг. В руководстве управления порта были: начальник управления Жук, позже – Ксинтарис, секретарь парткома Гуревич, диспетчер порта зэк Махарадзе. Большое впечатление о себе оставил высокообразованный, культурный человек, специалист морского дела, прекрасно знавший английский язык, капитан дальнего плавания Кононович. Именно под его командой в 1947 году из Финляндии по репарации в Дудинку был приведен караван судов во главе с ледоколом «Таймыр». Позже Кононович стал капитаном-наставником на атомном ледоколе «Ленин» и капитаном сухогруза на рейсе Мурманск–Канада.

Вот в таком окружении бывших и настоящих, больших и талантливых людей я оказался. Это был после Усть-Хантайки и Таймыргосрыбтреста

мой третий «университет». По штатному расписанию меня назначили техником в плановую группу с окладом 1000 рублей. На такой высокий заработок я никак не расчитывал. Такое мог себе позволить только порт, являвшийся предприятием ведомства Норильсклага НКВД. Теперь мы с мамой материально были обеспечены как финансово, так и с продуктами, так как на продуктовую «норильскую» карточку можно было купить в полтора раза больше продуктов, чем ранее на «дудинскую».

В отделе водного транспорта, с 1947 года размещавшийся вне зоны четвертого лаготделения на первом этаже соседнего дома с управлением порта, мне после работы было хорошо готовить школьные уроки. Так за работой и учебой быстро пролетели три года, и в 1948 году из-за отсутствия бланков аттестата зрелости, я получил справку об окончании средней школы-– десятого класса. Эта справка подлежала обмену на аттестат зрелости в городе Красноярске в КрайОНО. Очень хотелось тогда быть судостроителем (основы были заложены еще в Астраханском дворце пионеров), поэтому директор школы Кулик выдал мне четыре экземпляра справки, которые я разослал в судостроительные вузы страны (в Астрахань, Горький, Ленинград), наивно полагая, что меня – немца в то сталинское время могут принять. Конечно, получил три отказа. Четвертую справку я позже обменял в КрайОНО.

Тогда с мамой решили ехать в Красноярск к семье Вальтер, чтобы поступить учиться в Сибирский технологический институт и быть рядом с Витей. Разрешение на выезд из Дудинки нам дал нач. Таймырской спецкомендатуры Зисман. И вот 10 июля 1948 года на теплоходе «Иосиф Сталин» мы вдвоем с мамой покинули Таймыр.

Далее были учеба, работа и любовь.

2. Свидетельствует автор Петри Виктория (1925 г. р.)

Наша семья: папа Вальтер Теодор Иванович (1900 г. р.), мама Минна Александровна (1903 г. р.), мой брат Гаральд (1927 г. р.) и я из города Энгельса по Указу ПВС СССР от 28 августа 1941 года были репрессированы и 3 сентября 1941 года вывезены в Канский район Красноярского края. Село Михайловское приняло нас хорошо, предоставив «красную комнату» в одном из домов, хозяева которого стали ютиться во входной комнате с русской печью. Папа быстро устроился на работу в сельпо бухгалтером, мама – продавцом, а я – воспитательницей в детских яслях. Впереди была сибирская зима. Жизнь шла с учетом военного времени с продуктовыми карточками, военными займами и с трудармией, то есть трудовой колонной НКВД. Уже в январе 1943 года папу призвали, и он оказался в лесозаготовительном концлагере на желез-

нодорожной станции Решоты Иркутской области. Это был известный в Восточной Сибири концлагерь, из которого многие наши мужчины не вернулись. Слух о тяжелой судьбе лагерников дошел и до нас, и я с продуктовой сумкой поехала к папе. Мне было тогда 16 лет. Баз приключений я на пассажирском поезде из Канска добралась до железнодорожной станции Решоты, где я увидела в переполненном железнодорожном вокзальчике массу людей, в основном женщин с детьми, желающих встретиться со своими лагерными родственниками. Я узнала, что до лагеря можно добраться по лесовозной узкоколейной железной дороге, когда порожняк подается под погрузку леса. Набравшись смелости, я забралась на пустую платформу и доехала до входных лагерных ворот. Моим попутчиком был мальчик лет 14-ти, который тоже со мной спрыгнул с поезда. Я быстро нашла лагерную бухгалтерию, где работал папа. Я обратила внимание, что уборкой от снега territории занимался мужчина в каракулевой шапке и воротнике, в дорогом пальто. Было видно, что интеллигент используется на общих работах. На входной двери дома было написано: «Посторонним вход запрещен». Своему спутнику я сказала, что мы не посторонние, и открыла дверь. В большой комнате за столами сидело человек 40, которые в один миг встали и стали смотреть на нас. Папа остался сидеть, продолжая работать. Я подошла к его столу и тут он поднял голову, увидев меня. Конечно, он обрадовался, но сразу тихо сказал, что надо немедленно мне уходить. Он меня повел в комнату пожарной части, где я передала ему привезенные продукты, папа был очень рад и сказал, что мне нельзя выходить из помещения. Однако, за три дня пребывания у папы я много раз ходила по лагерю и никто меня не остановил. Домой до Решот я возвращалась на груженом лесом поезде. На станции меня окружили со всех сторон женщины, пытая меня: какие условия в лагере, как кормят, где живут и т. п. Они удивлялись, как смело я поступила, добираясь в закрытую зону к своему папе. Они не верили, что такое можно сделать, да еще три дня быть в гостях. Из трудармии папа вернулся в 1947 году, пробыв в этом концлагере 5 лет.

Однако до нас тоже дошла очередная репрссия – в августе 1942 года нас троих направили в Красноярск, где на станции Енисей мы, повалявшись под открытым небом на берегу, ожидали отправки на Север. Наконец в конце августа 1942 года на теплоходе «Серго Орджоникидзе» мы поплыли на Север, и 3 сентября в составе третьей группы были высажены на каменистый берег в поселке Потапово, который находится в южной начальной части Таймырского автономного округа и Таймырского полуострова. Теперь в качестве жилья нам была предложена оленья конюшня (позже этот «отель» мы поменяли на землянку для двух семей). Трудно нам было представить, как за один год изменилась наша

жизнь. За что такое наказание с нечеловеческими условиями пребывания, да к тому же еще на Крайнем Севере! Как только встал Енисей, началась выгрузка плотов со стройматериалами, которые с большим опозданием прислала Игарка. Плоты вмерзли в лед, и все понимали, что их надо спасать, так как весной ледоходом они будут уничтожены. Выдалбливание и переноска на высокий берег брусьев и досок оказалась для женщин и подростков тяжелой работой.

Все спецпоселенцы были поставлены на учет, и я тут же была комендантом отправлена на подледный лов рыбы за 50 километров на стоянку «Прилуки» с одним домом. К моему приезду на лошади в этом доме было полно народу из прибалтики: латыши, финны и эстонцы. Люди голодные, без продуктов выгружены с теплохода просто на вымирание. Я и еще три прибывшие со мной девушки нашли себе «жилье» под крышей на чердаке дома. Прибывший с нами бригадир – один из местных рыбаков – сразу повел нас учить на Енисее подледному лову. На следующий день при морозе примерно 20 градусов мы пошли проверять наши 10 установленных сетей. Улов был настолько удачным, что пришлось всю рыбу погрузить на сани, и бригадир на лошади повез ее сдавать в Потапово (50 км), чтобы получить деньги и рулоны. Но он нас обманул, так как денег не привез, а рулонов явно было меньше, чем он получил за ценную рыбу – тайменя, сига, пелядь и даже омуля. Часть менее ценной рыбы бригадир (спасибо ему) отдал голодавшим прибалтам. В Прилуках я пробыла полгода, занимаясь все время подледным ловом сетями. Прибалты постепенно растворились: частично умерли от цынги, частично ушли в Потапово, никакого внимания со стороны властей к ним не было. Дом в Прилуках опустел.

Весной 1943 года меня перевели на Сиговое озеро (20 км от Потапово), где вместе с Олей Горр мы жили в большой палатке с бригадой, которая работала с неводом. В озере было немало рыбы, но при интенсивном лове со стороны колхоза «Заполярник» и гослова запасы ее заметно уменьшались. К осени 1943 года меня перевели на станок Усть-Хантайка, где продавцами в магазине работали моя мама и брат Гарик, а других девчат направили в Потапово. В Усть-Хантайке я стала работать воспитательницей лесной школы, в которой были дети фронтовиков Таймырского автономного округа. Здесь мы познакомились с Левой Петри и с 17 декабря 1943 года стали дружить. Тогда началась искреняя дружба двух любящих сердец. Но жизнь не может быть всегда гладкой. На одной из прогулок по тундре вблизи барака в моей группе вдруг пропал мальчик четырех лет Алеша. Обыскали всю округу, ничего не нашли. Только позже через оперативников мы узнали, что мой Алеша стал жертвой бежавших из норильского лагеря группы заключенных, которые малы-

ша съели. На реке Хантайка вся эта группа была расстреляна. Я много пережила из-за гибели мальчика, так как в Дудинку с фронта вернулся его отец. Однако, против лесной школы он не стал возбуждать уголовное дело, квалифицировав его как несчастный случай.

Наступила злополучная осень 1944 года, когда Леву по ложному обвинению арестовали и увезли в Дудинку. После его оправдания мы стали интенсивно переписываться – письма писались каждый день. В 1945 году мне удалось переехать в Дудинку и работать в дудинском промкомбинате бухгалтером. Наша дружба с Левой стала еще более крепкой. Клуб порта стал нашим вторым домом, каждую субботу мы ходили на танцы, а в рабочие дни на хоровые репетиции. Внутри нас кипела юность. Вечерами с 18-ти до 22 часов я и Лева учились в вечерней школе с 8-го по 10-й класс и мы все-таки находили вечерами время, чтобы встретиться и постоять на крыльце промартели, где работала заведующей моя мама и где мы в маленькой комнатушке с мамой и Гариком жили. В 1946 году Гарик переехал в Красноярск к папе, который вернулся из трудармии, а мы с мамой выехали к ним в 1947-году.

Счастливым годом был 1948-й, когда Лева закончил среднюю школу и со своей мамой выехал к нам в Красноярск. Слово «выехал» это громко сказано, лучше выразиться – спецкомендатура разрешила выехать в связи с попыткой поступить учиться в институт. Увидев поднимающегося по леснице нашего дома на второй этаж Леву я убежала к нам в комнату, так как не хотела, чтобы любопытные чужие глаза соседей видели, как мы отдались друг другу.

Вот так закончилась наша таймырская эпопея по развитию рыбных промыслов сибирских рек. Далее будет работа и любовь.

3. Свидетельствует Шерер Ирма (1928 г. р.), из села Альт–Варенбург АССР НП

В 1941 году выслана в Березовский район Красноярского края, а в 1942 году вывезена на станок Никольский Таймырского национального округа, где прошла рыбацкий «университет».

Осенью 1941 года мы покидали свою деревню с последней партией спецпоселенцев. Помню, как мама прощалась с домом, как поправила постель, дернула маятник часов, оглядела комнаты. В одной из комнат горой были навалены красные яблоки только что собранного урожая. Так запах родного дома навсегда связался в моей памяти с запахом спелых анисовых яблок.

В Сибирь мы приехали 15 октября 1941 года, в день моего рождения. Мне исполнилось 15 лет. Ехали больше месяца в вагонах для скота. В

одном вагоне – по 20 семей. В дороге многие болели, умирали. Привезли нас в деревню Горби Березовского района Красноярского края. В августе 1942 года нас отправили на Север. Куда, зачем везут, нам ничего не объясняли. В Красноярске на станции «Енисей» мы целый месяц провели в ожидании парохода. Жили под открытым небом, прямо на берегу реки. В течение месяца в сопровождении уполномоченных ходили на работу на военный завод. Наконец, в конце сентября 1942 года на теплоходе «Иосиф Сталин» мы прибыли в Дудинку. Выгрузили нас вблизи рыбзавода. Попала я на станок Никольский. Там уже Организовали колхоз «Полярная звезда», стали рыбачить. Председателем колхоза назначили Давида Бира. Поселили меня в бараке с маленькими детьми. Многим же пишлось самим строить землянки. Врезался в память случай. Умерла молодая 20-летняя женщина, оставила младенца. Ее мать не знала, как спасти внучку. Чтобы успокоить малышку, она стала прикладывать ее к своей груди. И вдруг произошло чудо: у нее появилось молоко в груди. Все люди в бараке отдавали часть своей пайки, чтобы молоко не пропало. И девочка выжила, хотя столько смертей было вокруг! На всю жизнь я сохранила чувство благодарности и уважения к местным жителям, которые помогали нам в трудное для нас время. В обмен на табак они отдавали мясо и рыбу, спасая тем самым нас от голода. Думаю, если бы не их помощь, в первую зиму у нас погибло бы больше людей.

Вспоминаю бригадира нашей бригады Алексея Верещагина. Он, как мог, защищал нас, бесправных, от нападок уполномоченных. В плохую погоду на рыбалку нас не посылал, старался нас не давать в обиду. Особенно страдали спецпоселенцы от посещения уполномоченных Энгельсона и Микова, отличавшихся особенной придирчивостью и жестокостью. Они следили за каждым нашим шагом. Не разрешали брать рыбу, заглядывали в кастрюли, проверяя не рыбу ли варим. Однажды чуть не забили до смерти двенадцатилетнего мальчика за то, что тот взял немного овса. Чувство голода было постоянным. Особенно страдали дети.

После 1948 года стало ясно, что возврата домой нет. Многие молодые люди стали обзаводиться семьями. Вышла и я замуж за своего земляка, Роота Генриха Егоровича. Появились дети: две дочери, два сына. В 1964 году муж погиб, детей помогла воспитать моя мама, Мария Яковлевна Шерер. Сама она рано овдовела. Мой отец умер в 1930 году. На плечи матери легла вся тяжесть ссылки. Скольких своих подруг, раньше времени надорвавшихся, похоронила она! Сколько горя видела!

Со временем жизнь на Севере стабилизировалась, поэтому продолжаю жить на Енисее по адресу: 647000, г. Дудинка Красноярского края, ул. Горького, 55, кв.-34. Телефон 007/39111-24789.

4. Свидетельствует Шрайбер Теодор (1926 г. р.),

который за 6 лет обошел все устье Енисея – по левому берегу от Дорофеевска 420 километров и по правому – от Караула 680 км до острова Диксон (в Карском море), и видел гибельное положение завезенных туда людей. То был геноцид, устроенный сталинским режимом по отношению к советским немцам, прибалтам, финнам по национальному признаку. Погибло от холода, голода и цынги по скромным подсчетам не менее 70% из числа доставленных туда людей. Меня глубоко тронула картина бедственного положения спецпоселенцев, которую я увидел в устье Енисея. Вспоминаю об этом со слезами на глазах, так как те суровые годы унижения без вины виноватый пережил сам.

Коротко о себе: Schreiber Theodor, 1926 г.-р., из села Schilling Краснокутского района АССР НП. Наша большая семья (7 братьев и 3 сестры) в сентябре 1941-года была выслана в деревню Парфеновка Абанского района Красноярского края (в 90 км от г. Канска), в которой жили в основном украинцы, сосланные туда еще до 1917 года. Встретили нас хорошо, предоставив жилье в школе.

В июне 1942 года моего отца (62 года), мать (65 лет), сестру (18 лет), брата (18 лет) и меня (16 лет) местный военкомат мобилизовал на развитие рыбного промысла реки Енисей.

Наш путь лежал через город Канск, где во время ночевки в пожарной части НКВД у нас украли всю одежду, и далее на город Красноярск. Здесь на железнодорожной станции-«Енисей», многие тысячи людей, как и мы, под открытым небом ожидали свою судьбу. Ежедневно молодежь посылали на разгрузку железнодорожных вагонов и лихтеров у причалов.

Из Красноярска вниз по Енисею на лихтере в караване за буксиром мы плыли очень долго. Высаживать начали в городе Туруханске и далее до Крайнего Севера. Мы попали в самый дальний Усть-Енисейский район, высадив на берег в поселке Воронцово с торговым «Рыбкоопом», снабжавшим продуктами восемь рыбучастков Ошмаринского рыбзавода: Дорофеевский, Инокентьевский, Лайду, Сопкаргу, Ошмаринский, Гальчихинский, Кореповский, и Орловку. Через несколько дней нас доставили в Орловку (60 км), где из жилья был один барак (10 x 18) и баня. Мы, прибывшие 80 человек, разместиться в этом небольшом без окон и дверей помещении не могли. Поэтому наша семья устроилась в большой шлюпке, которую мы опрокинули, оставив с одной стороны проход – дверь, а матрацами служила высушенная трава. В сентябре 1942 года начались морозы, заставившие обитателей барака начать его ремонт; помощь со стороны местных властей выразилась в том, что половину людей увезли в Сопкаргу (120 км), и мы всей семьей из под шлюпки

перебрались в барак. Отец мой был печником и он из собранных на берегу камней в середине барака смастерил большую печь.

В сентябре Schreiber Jkov, Kerber Robert, Nein Otto u. ich на лодке отправились за продуктами на другой берег Енисея (шир. 25 км) в Дорофеевск. По прибытии туда начался на реке сильнейший и длительный шторм. Живя в маленькой будке без отопления, мы оказались на грани гибели. Это не описать, как мы там только живыми остались, я сейчас удивляюсь. В конце сентября Енисей встал и мы пошли по льду пешком в свою Орловку, где в бараке при нашем появлении все от радости плакали. Без нас оказалось, что людей в бараке от голодной смерти спасла секретарь райкома Некрасова, которая на оленях не проехала мимо нашего барака. Увидев бедственное положение людей, она быстро организовала из Воронцово доставку муки, сахара и масла. Эта женщина спасла людей в бараке от голодной и холодной смерти. Эту женщину я никогда не забуду.

Через неделю мы всем бараком пошли (25 км) в Дорофеевск за продуктами. Когда через два дня вернулись, начались сильные морозы, снежные пурги. Наш барак полностью занесло снегом, поэтому выход стал только через крышу. В начале марта 1943 года мы все ушли за 75 километров в поселок Лайда, а летом перебрались в Зверовск «на развитие рыбного промысла» на-реке Енисей, где прожил я до 1946 года, откуда осенью переехал в Воронцово. В этот период на мысе Брашникова я в составе бригады из 12 человек занимался ловлей нерпы. Со мной в бригаде были: Marzug Iogan, Smetik Peter, Herr Adolf u. Aleksander, Fink Andreas, Mjkota Evtuch u. Vasili, Lade Jakov, Kuiter Iosif, Schreiber Jakov, Becherdt Olga u. ich. В Воронцово я работал возчиком, доставляя в контору рыбкоопа дрова и продукты в семь магазинов. Жизнь на краю света для меня стала улучшаться. Однако в целом на станках в устье Енисея жизнь спецпоселенцев постоянно являлась гибельной от голода, холода цынги и тяжелой опасной на воде работы (одна бригада в составе 7 человек в шторм погибла). Из местных источников было известно, что в первые 2–3 года по прибытии на Север особенно пострадали люди, которых поздней осенью высадили с судов прямо на чистый песок, выдав только несколько палаток для рыбаков. Это была всеобщая трагедия. Тем не менее жизнь продолжается. Мы, как наиболее активная молодежь, создали инструментальный ансамбль: Neip Robert u. Otto, Altergot Iogan, Mikota Vasili u. ich играли на скрипке, гитаре, балалайке, цымбале и барабане по субботам и воскресеньям в клубе на танцах. Neip Robert u. ich играли на всех инструментах. Нас очень ценили на станках (поселках).

В 1948 году наша семья завербовалась на остров-Сахалин сроком на пять лет. В 1953 году я вернулся в Абанский район, а затем в 1956 году переехал в город Семипалатинск, откуда в апреле 1993 года – в Германию с адресом: Theodor Schreiber, Am Ellenbusch 7a, 52355 Düren. Tel. 02421-67726. Со мной проживают: моя жена и две дочери с мужьями.

Мое здоровье желает быть лучшим: в 1996 году в Кельне за 35 дней я получил семь операций, а из-за болезни горла лишился голоса. Понимая все слова, отвечать на телефонные звонки я могу только постукиванием по столу. Все названные болячки – это памятная «награда» мне от власти за развитие рыбного промысла на Крайнем Севере. Сказанное – это то, что осталось в памяти о «белом пятне» в устье Енисея.

Сейчас моя самая большая радость – это голоса друзей моей юности.

5. Свидетельствует Горр Александр Андреясовеч (1925 г. р), на долю семьи которого выпала страшная трагедия

В 1941 году из Поволжья в сентябре наша семья, состоящая из семи взрослых и двоих детей, была выслана в Сибирь в поселок Назарово Красноярского края. Нам сразу не повезло – еще при отправке из села на телегах места были только для детей и пожилых людей, поэтому теплые вещи и одежду брать не разрешили, заявив: через 2–3 месяца вернетесь. Позже мы своими жизнями за это расплачивались. Через год из Назарово нас по мобилизации вонкомата отправили в Енисейск, где были высажены на берег Енисея ниже города на 8 километров под открытое небо и куда уже примерно 200 человек ранее прибыло. Осень, постоянные дожди с северным холодным ветром, не имея достаточно теплой одежды, привели семью к простуде и желудочным заболеваниям. Наконец, неделю пролежав на берегу, нас всех взял на борт пассажирский теплоход «Иосиф Сталин», на котором мы разместились в холодном трюме, а обогревались только около машинного отделения. Через неделю нас доставили в поселок-Пшеничный ручей, который находился в четырех километрах ниже города Дудинки Таймырского национального округа. Всех поместили в палатки без отопления (по ночам заморозки). За время нашей недельной жизни в палатках в соседней семье Альтергот умерло от переохлаждения и слабого питания два четырехлетних близнеца. Далее, в составе группы 50 человек, нас доставили в поселок Потапово. За время этого двухдневного рейса на палубе сейнера наши двое детей не выдержали холода (шел конец сентября) и скончались. Это был первый сильнейший удар по нашей семье – осталось семь взрослых. В Потапово нас ожидала жизнь в оленьей конюшне, строительство зем-

лянки и ежедневная выгрузка в течение всей зимы лесных стройматериалов из вмерзшего в лед плота. Из построенных 22-х наша землянка оказалась 19-й. Нашу семью сопровождали один удар за другим. Плохая пища, цинга и постоянный холод вызвали желудочные заболевания. В результате за семь месяцев скончались еще пять моих родственников. Остались в живых только мы вдвоем с сестрой Доротеей (1922 г. р.). Это была трагедия.

В 1948 году в Дудинке и в поселках Усть-Енисейского района началась массовая вербовка СП на промыслы на остров Сахалин, которая проводилась союзным ведомством рыбной промышленности с заключением пятилетних договоров и выдачей подъемных денег. На этот шаг государства откликнулось много СП Таймыра, в том числе и мы с сестрой. Все формальности со спецкомендатурой округа оформляли сами вербовщики. В Красноярске нас всех вербованных ждал товарный железнодорожный эшалон, который был полностью заполнен, примерно 2000 человек. Наш путь лежал через Владивосток, далее на морском корабле в рыбацкий поселок Александровск на Северном Сахалине. Закончив там свои пятилетние договорные обязательства, моя семья (в 1950 г. я женился на Розе) выехала в Казахстан, а позже – в Германию, где по настоящее время проживаю вблизи Мюнхена.

В заключение скажу, что наша семья Горр очень дорого заплатила за политику власти в отношении СП на Таймыре, отдав семь членов семьи из девяти.

Таково мнение одного из оставшихся в живых – рядового труженика поволжского села, доживающего свой век на родине предков.

6. Свидетельствует Швааб Клара (1921 г. р.)

Наша семья в составе 9 человек: Айсман Клара (1888 г. р.), Швааб Эмануил (1902 г. р.), Швааб Фрида (1909 г. р.), Брунгард Вили (1928 г. р.), Швааб Ирма (1910 г. р.), Эдвин (1914 г. р.), Клара (1921 г. р.), Федор (1926 г. р.), Оскар (1928 г. р.) в сентябре 1942 года из-под железнодорожной станции Ужур Красноярского края, куда была в 1941 году выслана из Поволжья, доставлена в Красноярск. И после недельной лежанки под открытым небом на берегу Енисея погружена на пассажирский теплоход «Серго Орджоникидзе». При отъезде наш колхоз в дорогу нас снабдил некоторыми продуктами (медом, хлебом, мукой, горохом), которые сопровождавшие нас милиционеры у нас изъяли якобы для сохранения в трюм. Две открытые палубы и трюм были полностью забиты «спецконтингентом». Недельная «прогулка» пронизываемая всеми ветрами

и туманами на открытых палубах, была тяжелым испытанием здоровья всех пассажиров.

Нашей семье неповезло – милиционеры оказались не представителями власти, а самыми настоящими преступниками. Они, отобрав у нас все продукты, стали на остановках их продавать и пропивать выручку. Пьянка продолжалась всю дорогу до Дудинки. Таким образом, сопровождающая нас милицейская группа пропила всю заботу нашего колхоза, наградив всю семью недельной голодовкой, а наша врожденная немецкая без протеста к грабителям покорная жизненная позиция прошла еще раз очередное испытание.

7. Свидетельствует Брунер Артур (1926 г. р.) и Беккер (Брунер) Эрна (1920 г. р.)

Наша семья из трех человек – Брунер Мария (1886 г. р.), Артур и Эрна в сентябре 1942 года в составе третьей партии «спецпоселенцев» на теплоходе «Серго Орджоникидзе» из Красноярска была доставлена на станок Дорофеевск Усть-Енисейского района Таймырского национального округа. На чистом песчаном берегу голой тундры нас, пассажиров с теплохода, встречали пять построек – четыре жилые избушки, один магазин и 15 человек населения. Это был рыболовецкий колхоз «Заря» с председателем и бухгалтером. Весь приезжий народ разместили в избушках и палатках. Шла глубокая холодная полярная осень – ведь до Карского моря и острова Диксон всего только 300 километров. Немедленно возникла проблема с дровами, которые в виде выброшенных на берег бревен находились на правом противоположном берегу, где ширина залива Енисея 60 километров. До ледостава мы на парусной трехтонной лодке успели сделать один рейс за топливом. Было ясно, что мы в зиму окажемся без дров. Незадолго до появления шуги (появление крошева льда перед ледоставом) пришел из Игарки со стройматериалами лихтер, но подойти близко к берегу из-за мели он не смог и весь лесной материал сбросили с борта, а мы в ледяной воде вылавливали его и несли на берег. Это были готовые сборные двухквартирные из бруса дома.

Приезжие в основном оказались немцами из Поволжья и Ленинграда, латышами, евреями и финнами, дети-подростки и женщины. За какую провинность мы оказались здесь на краю света? Только по национальному признаку. Местные колхозники – это настоящие и бывшие ссыльные «социально опасные лица».

Людей поделили на строителей и рыбаков, к последним из которых отнесли и нас. Дома наши строители быстро собрали, но из-за посто-

янного дифицита дров и сырых стройматериалов температура в таком жилье с наступлением зимы не поднималась выше минус 7 градусов. Топливо тратилось только для приготовления пищи.

Нам повезло, что мы оказались на рыбном промысле – голод и цинга нас не коснулись, хотя в отношении опасности при рыбодобыче в штормовую погоду с сетями и парусом мы находились в зоне риска, так как с такой работой мы впервые столкнулись. Одна бригада из 7 человек в шторм погибла. Зимой, чтобы как-то спастись от домашнего холода, мы с приятелем сделали попытку на нартах привести с другого берега дрова. Такой риск – одолеть 120 километров пути туда и обратно чуть не закончился нашей гибелью, так как поднялась снежная пурга и мы оказались в «молоке» без компаса. Мы уже замерзали, когда случайно встретились на льду с местным охотником – он нас спас, приведя в поселок. Теперь можно только удивляться как можно было тогда завести массу людей без соответствующей одежды и без необходимого топлива на Крайний Север, где наличие дров является основным условием противостояния суровой девятимесячной зиме Заполярья. Эта преступная деятельность властей дорого обошлась спецпоселенцам – за два года 20–30 % их лежат здесь в вечной мерзлоте вблизи Ледовитого океана. После смерти «отца всех народов» наши жизненные пути с сестрой разошлись – теперь я в Москве, а Эрна в Германиии.

8. Свидетельствует Швиндт Эрна (1936 г. р.), немка из АССР НП

Осенью 1942 года нас привезли на станок Малышевка Дудинского района Таймырского национального округа. Всего 80 человек разных национальностей спецконтингента, в основном дети, подростки, женщины и несколько стариков. На берегу – один барак и больше ничего, даже не было встречающих местных жителей или «начальства». Все 80 приезжих еле-еле разместились под крышей этого барака с выбитыми стеклами. Набрали сухой травы и застелили нары. Одна печка из железной бочки должна была обогревать всех жильцов. Позже выяснилось, что этот станок существовал посезонно для приезжих «с магистрали» на рыбозаготовку промысловиков. Мы прибыли, когда основной рыбный сезон уже закончился, остался зимний лов на Енисее. Почти весь людской состав был приписан гослову Дудинского рыбзавода; рыбкооп организовал снабжение по продуктовым карточкам. Это был жалкий паек, да к тому же привозной из Дудинки (около 100 км). Только рыбаки как-то сводили концы с концами. Остальные голодали, мерзли, постоянно болели (медицина отсутствовала). Началась цинга, и к зиме поя-

вились первые покойники, с которыми рядом из-за отсутствия силы какое-то время приходилось лежать еще живым соседям.

В итоге за первую зиму 1942/43 года из 80 человек умерли 30. Надо иметь в виду, что это были люди в основном способные к производительному труду, а не немощные старики, но доведенные до состояния доходяг. При этом надо себе четко представлять, что все эти спецпоселенцы жили на берегу огромной реки с промысловой добычей прекрасной рыбы, но не имели (кроме рыбаков) права получать рыбу для нормального не голодного существования. Лозунг «Больше рыбы фронту» позволял власти оправдывать голодный режим спецпоселенцам, хотя в действительности вся добытая тогда рыба на Таймыре фактически уходила для снабжения спецконтингента Норильского горно-металлургического комбината и в местную торговую сеть округа.

За лето 1943 года и зиму 1943/44 годов смертность людей в Малышевке продолжалась. Позже мне, с разрешения спецкомендатуры, удалось перебраться в Дудинку, а затем и на «магистраль». Сейчас я с 1994 года проживаю в Германии.

9. Свидетельствует Ваккер (Гинц) Бригитта (1926 г. р.), немка из г. Энгельса АССРНП, рыбачка «петринской» бригады

После прибытия в сентябре 1942 года третьей партии население в Усть-Хантайке стало около 450 человек. Эти люди размещались на чердаках, в чуланах, в палатках на берегу Енисея. Спасаясь от холода, брошенные на произвол судьбы, люди начали копать землянки в основном в ярах. Финны в яре с бывшим древним кладбищем, немцы и латыши – со стороны речки. Образовались улицы из землянок. Бригады женщин, обмотанные во что попало, тянули на высокий берег бревна, выгружая прибывшие из Игарки плоты со стройматериалами, дети таскали половые рейки, доски рамы и т. п. Зима 1942/43 года, холод, голод, цынга унесли около половины населения. Умирали родители, оставались дети, вымирали семьи. Люди до того ослабли, что не в силах были вынести из землянки осиротевшего ребенка. Одну землянку освободили и в нее в корзинах сносили умерших детей. Гробы делали два старика и конечно не успевали. На «кладбище» выкопали братскую могилу, куда похоронная бригада увозила гробы, а ночью их освобождали для «очередников». Было немало случаев, когда родственники скрывали погибшего для того, чтобы получить на него по карточке лишнюю дневную пайку хлеба. Ближе к весне, когда люди стали выползать из землянок от копоти, опухшие от голода и больные цингой – они были неузнаваемы.

Ежемесячно спецпоселенцы обязаны были отмечаться у коменданта спецкомендатуры НКВД. Каждый раз мы от него слышали: «Вы здесь навечно, в случае побега – расстрел». Куда бежать с Крайнего Севера?

К свидетельству Ваккер напомним, что в 1948 году, через три года после окончания войны, когда все репрессированные народы ожидали отмены или во всяком случае ослабления репрессивного режима, Кремль издал сногсшибательный Указ: «В целях режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат првлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ. Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев,... и лиц, оказавших им помощь... – лишение свободы на срок 5 лет... Председатель ПВС СССР Н. Шверник, Секретарь ПВС СССР А. Горкин. Москва, Кремль 26 ноября 1948 года».

Опустим то, что «совершенно секретно, Указ Президиума Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» выдержки из которого приведены выше, составлен, как документ государственного уровня, достаточно безграмотно (см. начало текста), введен новый к спецпоселенцам термин – «выселенцы», который ранее не применялся. Но это, скажем, касается чиновников, писавших текст. Но каково содержание!!! Такой жестокости по отношению к совершенно невинным людям мир не знал. Причем, что особенно интересно – Указ написан в догонку к ранее изданным Указам (например, от 28 августа 1941 г.) семилетней давности и не вызывавший в 1948 году никакой необходимости в своем издании. Хорошо помню то время, когда в Красноярской спецкомендатуре мне после ознакомления дали расписаться. Я спокойно расписался, так как не верил в его реальность. Действительно, до самого 1956 года, когда спецпоселенцы были сняты с учета, я не могу подтвердить применение этого Указа в уголовном деле. Был лишь один известный мне случай. У нашего знакомого Деринга Владимира (1925 г. р.) сильно заболела мать и он из-за срочности без разрешения спецкомендатуры из Красноярска выехал в город Канск (250 км). В пути при проверке железнодорожных билетов его задержал контролер. Деринга В. осудили на 20 лет. Но в

1953 году после смерти Сталина он был немедленно освобожден, просидев в лагере за «побег» 3 года. Справедливости ради названный Указ не нашел широкого применения, так как коменданты спецкомендатур сами не верили в его необходимости, зная «своих людей», и при совершенно не серьезных «нарушениях», которые допускали спецпоселенцы «при переходах их села в село», просто закрывали глаза.

Как следует из сказанного, комендант в Усть-Хантайке явно запугивал людей, обещая при «побеге» – расстрел, который в Указе вообще не упоминается. Очевидно для него 20 лет каторги был не смертельный срок, а только мученический, который можно пережить, а ему нужна была только смерть. Послевоенный режим в стране продолжал политику «закручивания гаек».

10. Свидетельствуют Флейшман Мария и Андрей из села Кинг АССР НП

Семья в составе 10 человек в сентябре 1941 года была выслана в Сибирь – Красноярский край, а старшие братья и сестры были взяты в марте 1942 года в трудармию. В августе 1942 года нас, оставшихся: отца – Велк Ивана, мачеху с дочерью и двухлетним ребенком, меня (15 лет), Ирму (11 лет) и Хильду (6 лет), вторично отправили, правда, не было известно куда. Потом оказалось, что плывем мы по Енисею на далекий Таймыр. Дорога длилась бесконечно долго, страдающие люди дуг у друга спрашивали: «Куда же нас везут, наверное, утопят в море...» Но это было бы слишком просто. Оказывается, нас везли для длительных страданий и медленной гибели. Очень многих высаживали в Игарке, Туруханске и на других причалах. Нашей семье, как и сотням других, была дана команда выходить на берег в Потапово (это 200 км выше Дудинки). Был уже сентябрь, холод, снежные хлопья... Поместили нас всех в сарай, сколоченный из досок. Дали лопаты, топоры, пилы с командой строить себе землянки, как можно глубже врываясь в высокую гору. По две семьи вместе все начали работу. Наша семья из семи человек и семья Терезы Пайст со старой матерью и тремя детьми моложе 15 лет. Люди старались таскать из тундры мох, небольшие деревья. Дали нам только дверную коробку и кирпич, только, чтобы сложить плиту. Работали и стар и мал. Спасали себя, в первую очередь думая о малых детях и стариках, как их уберечь от холода. В землянке, которую мы построили, поместилось 12 человек, в центре плита. Теснота страшная, вшей – масса. Питьевая вода – из снега, свет – лучинка. В эти длинные полярные ночи три месяца не видать дневного света. Ни помыться, ни туалета... Началась повальная цинга-скорбут – страшная болезнь.

Многие землянки скоро стали пустыми. Трупы хоронить было некому, закапывали в снег. После «стройки» стали организовывать рыболовецкий колхоз, с названием, как насмешка – «Новая жизнь»! Председателем стал Фрицлер – наш человек с Волги. Он неплохо знал русский язык и старался нам всем помочь, но вскоре его убрали, куда и за что, неизвестно. Рыба у нас ловилась очень плохо. Лед на Енисее зимой толще метра, и если попадалось несколько рыбешек, люди ее прямо у проруби съедали... Работающие получали 600 граммов хлеба, дети и старики по 400 граммов хлеба и больше ничего! Хлеб был тяжелый, как камень. Болезни косили всех. (Вспомните, дорогой читатель, даже «зэк» в системе ГУЛАГа имел пайку значильно более высокую). Летом, если его так можно назвать, – свои проблемы. На широком Енисее волны страшные, люди не умели управлять лодками. Сколько их там утонуло, одному Богу известно... Уже в 1943 году отец работать не смог, и мачеха со своими детьми оставила нас. Восемь месяцев папа лежал в землянке больной, без всякого лечения, без света. И в апреле 1944-года он умер. Остались мы, сестренки 12-ти и 16 лет, одни... Слава Богу, нашла нас старшая сестра Ида и прислала нам вызов, еще 400 километров севернее, на Таймырский полуостров, в село Караул, это уже залив перед Карским морем...

Много не стала писать, очень тяжелые эти воспоминания. Но видит Бог, я писала истину. С надеждой, что и мои воспоминания заполнят белые пятна трагедии российских немцев на Таймыре. В памяти о нашей жизни в то время остались сестра с братом – Ирма и Яков Шмаль.

11. Свидетельствует Янкович Юрий (1924 г. р.), ссыльный из Латвии

Сохранил в памяти годы репрессий в подробной записи всех событий и впечатлений в дневнике. Это дневник людей, которые родились не в СССР; их жизнь и впечатления нового для них мира, природы, людей и власти представляют особый интерес с точки зрения оценки исторического процесса, в котором они оказались. Итак, свидетельствует дневник Юрия.

10.06.42. На колесном пароходе «Мария Ульянова» по реке Енисею мы из села Галанино были доставлены на речной вокзал города Красноярска, а затем на правый берег реки в район железнодорожной станции «Енисей». Мы были потрясены увиденной картиной: море людей – рабов, ожидающих несколько недель под открытым небом своей участи. Такого редчайшего зрелища мне еще не приходилость видеть.

11.06.42. Вечером на палубе большого лихтера № 15, стоящего напротив Красноярского речного вокзала, собрался большой латышский хор, который на четыре голоса исполнял латышские песни над удивленным городом.

12.06.42. Караван во главе с буксиром «Валериан Куйбышев» в составе самого большого лихтера № 15 и семи более мелких с репрессированным народом на бортах тронулся из Красноярска вниз по течению Енисея, огласив округу прощальным гудком. Это была первая партия людей, направленных на Таймырский Крайний Север.

13.06.42. Караван бросил якорь вблизи города Енисейска. Латыши и их хор оказались все на лихтере № 15. Каждый вечер берега могучей реки слышали голоса этого хора.

22.06.42. Игарка. Идет дезинфекция всего каравана. Латыши отметили «Янов день» – Лиго. «Лиговали» всю ночь. В Курейке начался полярный день – без захода Солнца.

24.06.42. Станок Усть-Хантайка. Караван на якоре. Идет выгрузка первой партии доставленных на Таймыр людей в количестве 105 человек, в том числе и нашей семьи: мама Наталия Викторовна (1896 г. р.), моя сестра Рута и я Янковичи.

04.07.42. Нашу семью поселяют в старую столетнюю землянку на обрыве Енисейского берега, где теперь будет медпункт. Маму, как врача, еще на лихтере назначили заведующей этим медпунктом в поселке. Из Дудинки на боте доставили рыбацкие снасти и лодки.

09.07.42. Первый учебный пробный выезд на левый песчаный берег Енисея на рыбалку с 500-метровым неводом. Инструктором был Дмитрий Богданов из Дудинского рыбзавода. Заброс невода был неудачным, а улов малым – только накормить рыбаков (8 чел.) на один день.

10.07.42. Выезд на настоящую рыбалку, ночевка с тучей комаров и мошек в избушке с двухярусными нарами и железной печкой.

11.07.42. Тоня. Утром на реке начался сильнейший шторм. Бежим спасать лодки и бочки.

15.07.42. Тоня. Четвертый день дует сильный Норд. Река в беляках. Рыбачить невозможно. Вся сложность нашего положения оказалась в том, что мы всей бригадой при выезде из поселка оставили среди больших камней свои узелки с провиантом. И вот два дня назад рыба закончилась, а хлеба вообще нет. Дмитрий Богданов решил ехать за хлебом в поселок на другой берег (7 км) тремя добровольцами. Трое нашлись: он сам, я и Лева Петри. Он за рулем а мы с Левой – на веслах. В поселке о нас беспокоились, и когда увидели на середине бушующей реки нашу лодку, – все сбежались на берег. Но все обошлось хорошо. Через два часа, получив продукты, наша лодка поплыла обратно вдвоем, без меня,

так как я сильно заболел кишечным заболеванием. К тому же шторм стал заметно слабеть.

26.08.42. Усть-Хантайка. Высадили к ранее прибывшим 105 человекам еще 330, в основном немцев и 14 латышей из Сигулды и Латгалии. Я возмущен в адрес властей, что так поздно доставлены люди, да еще с детьми. Видна большая разница между людьми с Запада и спецпоселенцами из Союза: последние, особенно немцы, имеют сапоги, фуфайки, бушлаты, а западники в штиблетах, шелковых платьях, легких пиджаках. Сказывается советский быт и предусмотрительность советских людей.

19.09.42. Усть-Хантайка. Нам опять доставили еще 135 рабов советской власти, в том числе 16 латышей с детьми. На пароходе мама увидела свою подругу Скудру с тремя дочками. Их везли дальше на Север. Теперь нам известно, что их временно зимовать выгрузили около Усть-Порта, а весной 1943 года морским путем увезли вокруг Таймырского полуострова в устье реки Хатанги. О ссылке в Хатанге есть книга «В предверии ада». Читая ее все латыши теперь ужасаются.

20.09.42. Усть-Хантайка. На плоту приплыли четыре бородача. Оказалось, это экспедиция Академии наук СССР из Ленинграда. Их забросили в тундру еще весной 1941 года для обследования всей округи Хантайского озера. Их радист утонул. Двое оказались очень музыкальными, и мы вечерами пели симфонии П. И. Чайковского.

Продолжаю рыбачить, хотя на животе появились нарывы; у нас нет обуви. Помогаю латышам сооружать землянки на берегу речки.

17.10.42. Усть-Хантайка. С последним ботом из Дудинки вернулась мама. Енисей покрылся тонкой пленкой льда, которая скользит вниз по течению. Еще 14 октября 1942 года бот с продуктами не мог причалить к берегу из-за льда, и мы на лодках пробивали во льду ему проход. Холодно. Все немки тепло закутались в свои привезенные одежды, а латышки бегают в своих шелковых нарядах. Нам привезли унты, которые получили некоторые латышки, которые решили их сохранить до весны, когда нас повезут в Ригу и там строем пройдем по ее улицам (наивные люди – в Ригу только несколько из них через многие годы попадут).

12. Свидетельствует Янкович Рута (1922 г. р.), ссыльная из Латвии

26.10.42. Усть-Хантайка. Толщина льда уже 30–40 см. Юра перешел на подледный лов рыбы. Идет сиг и пелядь. У поселка во льду Енисея замерзли два сейнера, которые шли на зимний отстой. Но капитаны сейнеров не рискнули далее плыть до Игарки из-за возможного на рас-

стоянии 180 км повреждения острым «молодым» льдом корпусов судов. Сейнеры очень удачно были поставлены у входа в речку рядом с поселком с таким расчетом, чтобы весной по высокой воде войти в речку и укрыться от опасного Енисейского ледохода. На следующий день обе команды сейнеров начали строить сборный двухкомнатный дом, беря стройматериалы из вмерзшего в лед плота. На чердаке своей землянки-медпункта Юра нашел сохранившиеся с XIX века лыжи, покрытые мехом-камусом, легко скользящие вперед и не скользящие назад. Местные националы ходят только на таких. Также там оказались две книги: учебник по высшей математике и роман Джека Лондона «Хват бильюхат».

30.11.42. Усть-Хантайка. Две недели Юра лежит в нарывах и с температурой 40 градусов. Мама режет нарывы папиной бритвой. Зима, пурга; каждое утро ждем, чтобы кто-нибудь откопал нашу дверь. От речников-зимовщиков (у них было радио) узнаем об окружении гитлеровцев под Сталинградом.

08.12.42. Усть-Хантайка. Продавец нашего магазина на оленях привезла из пос. Потапово (70 км) продукты, поэтому месячная норма на декабрь стала: сливочное масло – 200 гр., сахар – 400 гр., оленье мясо – 500 гр., белая мука – 700 гр., вермишель – 800 гр., темная мука вместо хлеба на 10 дней – 4 кг. Проклинаем местную власть, которая по воде не удосужилась по станкам сделать своевременный зимний завоз продуктов. Склад магазина пустой, а в поселке 450 едоков. Медленно ползу в лесотундру за дровами – нечем топить медпункт, раны еще болят. Принес из петли одного зайца, а трех – украли.

16.12.42. Усть-Хантайка. Прибыли два офицера НКВД вести допрос по факту воровства рыбы из десяти сетей, установленных на Енисее для подледного лова. Также они интересовались у председателя колхоза Э. Эрдман о Юре, им стало известно, что он якобы фашист. Но все прошло спокойно, донос не подтвердился.

25.12.42. Усть-Хантайка. Юра лежит в нарывах на животе и спине. Вспоминаем с мамой и Юрой рождество прошлого года в нормальных европейских условиях. У нас по очереди на полу ночуют латышские семьи. Мама о них заботится, так как они абсолютно не приспособлены к этому ужасу.

01.01.43. Усть-Хантайка. С оказией привезли почту из Пировска (Сибирь), Игарки, Хатанги и Дудинки от врачей.

07.01.43. Усть-Хантайка. Приехали специалисты из Таймыргосрыбтреста и разрешили впредь рыбу продавать через магазин. С собой увезли воз рыбы. Первое появление над горизонтом на одну минуту луча Солнца.

14.01.43. Усть-Хантайка. Наконец и у меня появилась долгожданная цынга, не держит позвоночник. Мама меня жестко закутывает в простынь и гонит на мороз. Юра начинает строить дома с российскими «кулаками» под руководством, приехавшего из Потапово, прораба Дюкова.

17.01.43. Усть-Хантайка. Мороз ниже 50 градусов. Воробьи на лету падают. Холодная вода, подброшенная из стакана с силой вверх, падает, гремя ледяными шариками. А люди? Люди замерзают в землянках.

22.01.43. Усть-Хантайка. Уже только минус 25–30 градусов. Мама с утра до вечера бегает по землянкам и поднимает людей с нар и гонит на улицу, смазывает кровавые от цынги ноги больных. Националы по маминой просьбе привезли из лесотундры еловую хвою. Все пьют горькую хвойную настойку против цынги. Но трупы, трупы семьями каждый день. Дошел слух, что на станках Агапитово и Никольский все люди умерли.

08.02.43. Усть-Хантайка. Юра учится выполнять работу плотника и десятника на строительстве домов. Из тундры вернулись ленинградские «бородачи» из экспедиции Академии наук. Эти трое не унывающих веселых и образованных научных работников сразу подняли наше настроение. Однако, увидев в бараке и землянках умирающих людей, они резко высказали свое мнение. Комментировать их слова нет смысла – они ясны. Ребята вспомнили: «Прощай немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ...» Вспомнили своего Петра и его сподвижника адмирала Лефорта, более чем 300 лет назад сказавшего: «Должно приучать россиян к уважению собственного достоинства». Только в России могут допускаться такие преступления над своим собственным народом. В российской истории не принято уважать себя, а следовательно и других. Россия всегда была страной крайностей. Здесь власть держалась на противоположности: или жизнь, или смерть. Машина уничтожения людей запущена. Ее остановить может только Солнечное тепло. А пока умерщвляет холод.

20.02.43. Усть-Хантайка. Из Потапово вернулась Э. Эрдман, где ее ругали за «безграмотные рабочие наряды» за выполненную работу. Там возмутились, мол, ничего не заработаете, хотя Юра записал правильно объем вынутого грунта – 172 куб. м. Так он впервые познал необходимость советской приписки и блата. В Потапово (75 км) на работу послали шестеро строителей пешком. Один из них в пути замерз.

27.02.43. Усть-Хантайка. Из Игарки (130 км) вернулись три финна, которые туда сбежали, и за четыре месяца хорошо там заработали. Но главное – они рассказали жуткую трагедию:

«Видя в Хантайке свою безысходность и близкую от голода и холода гибель, мы в начале ноября прошлого года тайно ушли в Игарку, чтобы там заработать деньги и приобрести одежду и питание. Наш путь лежал вдоль правого берега Енисея по льду. На станке Агапитово (45 км) мы увидели палаточный городок, где в 30-местных палатках лежали примерзшие к жердям и подстилке люди, в основном женщины, дети и меньше – старики. В палатках нет железных печек, не видны дрова и вообще признаки жизни массы людей. Обходить все палатки нам было страшно – кругом трупы. И все-таки «живого скелета» мы нашли и узнали от него, что сюда перед самым ледоставом Енисея на пароходе было доставлено порядка 500 человек, в основном немцы из Поволжья и Прибалтики. Людям дали только палатки – ни печек, ни труб для них, ни топоров и пил для заготовки дров и, главное, высадили без питания. По сути, людей списали полностью. И вот результат – люди умерли с голоду и замерзли.

Мы почти ползком добрались до Игарки, и о виденном в Агапитово сообщили в спецкомендатуре НКВД. Комендант, выслушав нас, спросил: «А есть там еще живые?» Мы поняли из разговора, что спецконтингент, доставленный на станок Агапитово властью, был просто «забыт» и выпал из внимания. Как бы там ни было, по вине власти погибло около 500 человек. Нас накормили и послали на работу в порт на судовые ремонтные работы.

Через четыре месяца на обратном пути ни одной живой души в Агапитово мы не встретили. Возможно, после нашего разговора в спецкомендатуре Игарки оставшихся в живых нескольких немцев и латышей все-таки успели спасти».

02.03.43. Тундра. Мама в тундре у националки приняла трудные роды. Малыш остался жив.

04.04.43. Усть-Хантайка. Финны и немцы из Ленинграда из-за недостаточного питания, отсутствия теплой одежды и цынги вымирают семьями. Куропатки, теряя белый цвет, улетают в тундру; зайцы продолжают ловиться. Приближается весна.

09.05.43. Усть-Хантайка. Весна. Енисейская вода поднялась на два метра. Идет интенсивное спасение замерзших осенью плотов со стройматериалами. Все на выгрузке и затаскивании бревен на высокий берег. Из Агапитово пришел чудом уцелевший «скелет», чуть живой, говорить не может. Сразу доставили в медпункт к моей маме. Выживет ли?

15.05.43. Усть-Хантайка. Пурга и затем мороз. Взорванный и убранный вокруг обоих зимовавших сейнеров лед превратился в кашу и опять заледенел. Пришлось во льду вырубать канал для прохода по высокой воде из Енисея в речку. Вот-вот начнется на Енисее первая подвижка

льда. Все хотят увидеть, как лед толщиной в 1,5–2 метра будет «играть» с огромной аварийной баржой, стоящей на берегу, как со спичечной коробкой. Вода поднялась на 10 метров.

17.05.43. Усть-Хантайка. Первая подвижка льда на Енисее. Движется все ледовое поле шириной 3 километра. Одновременно идет подъем уровня воды. Слышен мощный скрежет льда о береговые камни. Великая мощная река Енисей – проснулась. Через час все остановилось. После второй подвижки река оказалась чистой, что означает о возникшем заторе льда выше Усть-Хантайки. Рыбаки забросили 100-метровый невод и вытащили несколько ведер корюшки (зубатки), которую тут же на берегу раздали голодающим. Невод удалось еле-еле спасти, так как опять тронулся лед – затор прорвало. Наши плоты льдом вытолкнуло дальше на берег и мы тут же начали спасать бревна, хотя это было опасно; ледоход нам хорошо помог поднять бревна выше и выше.

20.05.43. Усть-Хантайка. Начался сильный ветер и ледоход начался без остановки. Баржа, как игрушка кувыркалась на берегу под натиском огромных глыб льда. В такой момент можно увидеть всю мощь природы перед человеком. На следующий день эта деревянная баржа на «плечах» Енисея была унесена в Ледовитый океан. Все четыре дня уровень воды повышался, и сейнеры спокойно вошли в речку, ледоход им не помешал.

30.05.43. Усть-Хантайка. Енисей стал очищаться от льда, и сразу же появился «птичий базар» – летят лебеди, гуси, утки и все другие водоплавающие пернатые. Стоит на реке сплошной гвалт, гомон птиц – это прекрасное зрелище.

Еще 27 мая, лавируя между льдинами, мы на лодке поплыли на Томский мыс (6 км), чтобы поставить для рыбаков палатку, а затем решили забросить невод. Течение воды оказалось таким сильным, что наша тоня растянулась на четыре километра с рыбой на пару ведер.

01.06.43. Усть-Хантайка. После ледохода мимо нас проплыл первый караван из Красноярска в Дудинку. Началась навигация.

Однако, ледоход для Хантайки не всегда проходил без жертв. Так, 8 июня года погибла молодая девушка Анна Майзингер, 26 лет. Узнав через пять лет о ее гибели, я записала в дневник об этой трагедии.

Парень и две девушки с ним занимались «спасением» бревен. От берега по качающимся льдинам добрались до бревна, как вдруг началась подвижка льда. Парень и одна девушка, прыгая с одной льдины на другую, добрались до берега, а Анна двигалась медленно. За эти несколько минут между ее льдиной и берегом образовалась чистая вода, ее относило все дальше и дальше от берега. В такой ситуации с берега ей помочь ничем не могли. Анину льдину все дальше и дальше уносило на середину

реки. На ее крики помощь во время сплошного ледохода была невозможна; вертолетов тогда на Севере не было. По слухам, Анну видели проплывающей на льдине мимо Потапово и Никольское. Очень жаль погибшую молодую рыбачку Анну Майзингер.

15.06.43. Усть-Хантайка. На боте приехала из Дудинки комиссия по установлению причин большой гибели людей за прошедшую зиму. На маму была кем-то подана жалоба. Ей было приказано собраться и ехать в Дудинку. Мы поняли, что это такое в СССР, когда по жалобе ищут виновного. Кто-то прибежал из конторы и кричал этим чиновникам в защиту мамы. Был ужасный переполох. С ботом пришла почта с письмами – известие о гибели папы в лагере. Мама упала в обморок. Я потребовал от Э. Эрдман отпустить меня для сопровождения мамы.

В Дудинке маму 3 дня «пытали», а затем оправдали. После всего происшедшего мы семьей в Хантайку не возвращались, и работали на других участках по направлению спецкомендатуры.

На этом записи в дневниках Юры и Руты Янковичей заканчиваются. Материал дневников, в которых отражены исторические сведения и взгляды людей «из-за бугра» на геноцид, творившийся в 40-е годы в СССР, представляет особый интерес для читателей, переживших описанную трагедию на Таймыре.
Врач Наталия Викторовна Янкович умерла в 1985 году, похоронена в Риге. Юра и Рута Янковичи проживают в Риге.

13. Свидетельствует «Музейный вестник» Таймырского краеведческого музея (Выпуск 1. Дудинка. 2001)

Заведующая отделом истории Н. А. Предтеченская сообщает что «в Таймырском государственном архиве сохранилась докладная записка врача Овчинниковой, составленная после проведенного в августе 1943 года медицинского обследования спецконтингента. Причинами высокой смертности являлись, по ее мнению, отсутствие у людей жилья и теплой одежды, голод, непривычный климат, эпидемии болезней. Первую полярную зиму 1942/43 года, ставшую для них самой страшной, спецпоселенцы вспоминают как кошмарный сон. Гробы были инвентарными – их использовали от жилья до снежной могилы... Не было ни досок, ни сил, ни воли. Далее трупы складывали в штабеля. Заледеневшие немцы, латыши, литовцы, финны, украинцы; дети, женщины и старики. К выводам инспектирующего врача и свидетельствам выживших людей можно лишь добавить, что в таком же положении оказались спецпоселенцы в Усть-Хантайке и Потапово».

Далее Н. А. Предтеченская сообщает, что «в первую зиму 1942/43 года в Потапово к умиравшей от голода женщине зашел местный оленевод эвенк Н. Куропатов. Увидев бедственное положение женщины, он предложил взять у нее дочку. Мать согласилась. Маленькой Марии повезло. Она выжила. Новый отец относился к ней с любовью и заботой. Давно уже нет в живых знатного оленевода, но добрая память о нем хранится в сердцах людей, сосланных в лихую годину на Таймыр до сих пор...» «...По признанию бывшего заключенного В. Пирца спецпоселение оказалось для него наказанием более тяжким, чем ГУЛАГ. На Таймыре пришлось работать под надзором спецкомендатуры и испытывать на себе все лишения, выпавшие на долю спецпоселецев (СП), высланных на Крайний Север. Ведь в лагере зэк обеспечен крышей, одеждой, отоплением и трехразовой пайкой питания. Этого всего основная масса СП была лишена».

«По сути дела, мы были вычеркнуты из жизни, так как для тех, кто остался на родине, СП были без вести пропавшими», – вспоминает Г. Кродерс. «Трудно найти слова, чтобы передать те страдания, унижения, оскорбления, издевательства, как моральные, так и физические, которые нам пршлось пережить на Крайнем Севере под надзором спецкомендатуры», – с горечью и болью от имени всех немцев Поволжья, высланных на Таймыр, сказал в своем выступлении на I съезде немцев в Москве в октябре 1991 года Л. Лох.

Из описанных выше историй, происходивших в течение 2–3-х лет рассмотрим случаи, связанные с влиянием на происшествие северной природы. Это очень важно отметить, чтобы понять и дать правильную оценку условий существования, выживания или гибели людей на Крайнем Севере. Приведу два примера, один из которых о спасении эвенком-оленеводом Куропатовым девочки Марии уже описан выше.

Пример второй. Зимой 1947 года. Утром я иду на работу в зону. Подхожу к вахте, показываю пропуск, а мне навстречу через ворота идут бригады заключенных на общие работы, точнее – на сооружение у берега Енисея морского причала: из круглого леса ведется рубка ряжей, которые заполяются камнями и заливаются в теплое время года бетоном. Работа тяжелая, на открытом с ветрами и морозами месте, в общем не для «доходяг». И вдруг вижу – все бригады проходят мимо замершего трупа человека в белом нижнем белье с красным пятном на нижней рубашке. Я задержался, но часовой крикнул: «Проходи!» В нашем отделе водного транспорта все зэки собрались и обсуждают случившееся происшествие, о котором им с утра по репродукторам в бараках сообщили следующее. Неделю назад из нашей зоны сбежал зэк. Он объявился три дня назад в 40 километрах выше Дудинки в поселке Никольском.

Кстати, на Енисее действовал закон, по которому все жители поселков о каждом появившемся «чужом» человеке обязаны были сообщать администрации. На задержание беглеца на лыжах было направлено два вооруженных оперативника, которые задержанного на следующее утро должны были доставить в лагерь. Но утром у одного из оперативников случилась беда – заболел сильно живот. Тогда другой оперативник, нарушая служебную инструкцию (конвоировать одного можно только вдвоем или больше), повел беглеца один. В пути, как это на Севере бывает, поднялась сильная пурга, полярный день короткий, и оперативник решил погреться и передохнуть на полпути в рыбацкой избушке, в которой оказался запас дров, топор, спички, печка и соль («закон тундры»). Нездоровый оперативник, когда началась пурга, понял, что может быть беда, и на лыжах, собравшись с силами, пошел вдогонку. Когда стало темнеть, пурга несколько ослабла, и он не сбился с пути, добравшись до избушки. Открыв дверь, он увидел картину: в углу без верхней одежды с разбитой головой лежит весь в крови его напарник, оружия нет, в избушке еще тепло, в печке не все угли еще погасли. Тело убитого еще не остыло. Значит убийство произошло недавно. Не теряя времени, оперативник пошел догонять убийцу. И он его догнал, когда уже ярко мелькали огни Дудинки. Из своего пистолета «при попытке к бегству» одним выстрелом наповал он застрелил убийцу, который, очевидно, в армейской верхней одежде намеревался незаметно раствориться среди десятитысячного населения Дудинки.

Как же произошло убийство оперативника в избушке? Следователи сделали вывод: оперативник сел в угол избушки, приказав задержанному затопить печку. Уставший с мороза обогревшись оперативник в тепле заснул, и беглец, увидев возможность легко получить свободу, зарубил его топором. Затем переоделся в армейский бушлат, штаны и валенки и, оставив свою арестанскую одежду, на лыжах пошел на огни Дудинки. Класть трупы убийц и беглецов в рубашке и кальсонах в воротах зоны для обзора проходящими бригадами заключенных – обычный воспитательный прием лагерной администрации.

Данное убийство оперативника произошло в условиях отрицательной критической ситуации, которую избрал преступник. Критическая ситуация в его мышлении возникла тогда, когда он увидел спящего оперативника, нужно было сделать выбор: убить (отрицательная ситуация) – не убить (положительная ситуация, но с дополнительным сроком за побег). Он выбрал первую – убить. Критическая ситуация имеет всегда две стороны: положительную «+» или отрицательную «–». Это связано с тем, что при критической ситуации всегда присутствует фактор

времени (решать надо мгновенно, иначе ситуация изменится, поэтому она и является критической).

В первом примере умирающая женщина после предложения оленевода Куропатова взять и спасти от голодной холодной смерти ее маленькую дочку Марию тоже находилась в критической ситуации: сама спасти дитя не может (отрицательная ситуация), но может спасти, отдав ребенка чужому, доброму (положительная ситуация), и обреченная мать принимает вторую критическую ситуацию. Что обобщает эти два приведенных примера? Их объединяет жестокая полярная природа, так как в обоих случаях решения человеком принимались в критических ситуациях, независимо от знака «–» или «+», хотя сама природа как бы создала условия возникнвения разноименных ситуаций. Действительно, чтобы довести человека до критической ситуации необходимы или внутренние (например, болезнь) или внешние (например, окружающая среда) факторы. В обоих примерах критическая ситуация у человека возникала как следствие воздействия на него внешнего фактора – окружающей среды, а точнее – жестокой природы Севера. Последовательность образования критических точек, из которых образовалась критическая ситуация, в первом примере строилась по следующей схеме: приезд в Усть-Хантайку, холод; строительство землянки; голод – болезнь; обреченное состояние, мороз в землянке; гибель ребенка предрешена; появление Куропатова – критическая ситуация – мать соглашается отдать ребенка «+» – Куропатов берет ребенка, спасая его от замерзания.

Во втором примере критическая ситуация образовалась из точек в следующей последовательности: побег; задержание; конвоирование из поселка Никольское до рыбацкой избушки, холод, пурга; тепло в избушке; сон оперативника – критическая ситуация – убийство сонного оперативника; ложная свобода – расстрел беглеца. Как видим, в обоих примерах причиной критической ситуации являлся один и тот же фактор – это смертельно опасная окружающая среда Заполярья, когда человек не готов или не имеет возможности ей противостоять, приведший в первом примере к гибели женщины в замороженной землянке, а во втором – тоже к гибели человека, но во имя исполнения служебного долга. В обоих случаях природа заполярья сыграла основную роль, так как человек оказался в ее власти.

В аналогичных критических ситуациях по воле Кремля оказались в 1942–1948 годах спецпоселенцы, брошенные на погибель во власть заполярной природы.

14. Свидетельствует Асмус (Роппельдт) Виктория (1923 г. р.)

Усть-Хантайка. 1943 год. Зима. Геологическая экспедиция из Ленинграда, разместившаяся на зиму в обсохшей барже на берегу Енисея, проводила свои исследования в нашем районе. Как-то в поселке я встретила идущего с фотоаппаратом инженера из экспедиции и спрашиваю его: «Что Вы здесь интересное у нас можете сфотографировать кроме смерти?» А он мне говорит: «Я еще не видел, чтобы столько людей было властью брошено без условий на жизнь. Я фотографирую, что здесь увидел: голод, отсутствие одежды, мороз, рабский труд беспомощных женщин, детей и стариков, землянки в вечной мерзлоте, печки из валунов, коптилки и беспросветную обреченность в глазах людей. За что такая мука? Я верю, дорогая девушка, что придет время и найдутся люди, которые опишут это преступление перед невинными людьми, а мои фотографии только подтвердят этот ужас. Таймыр – богатая земля, она не заслуживает тех страданий, которые совершаются на ней. Пусть Вас не покидает счастливая надежда. Всего Вам хорошего и здоровья, чтобы пережить этот ад». Это были слова доброго российского человека. Инженер поклонился и пожал мне руку.

Эту встречу я никогда не забуду – настолько она была искренной, доброй и, главное, – с верой в будущее. Весной эта экспедиция уехала в другой район своих исследований. Очень жаль, что я не знаю судьбу тех фотографий более чем 60-летней давности.

Таймыр с семьей (7 детей) мы покинули в 1968 году. Далее – Средняя Азия. С 1995 года проживаю в Германии.

15. Свидетельствует Любимова (Грош) Ирма (1935 г. р.)

Родилась в селе Гримм Саратовской области, с началом войны 22 июня 1941 года по Указу ПВС СССР от 28 августа 1941 года нашу семью 19 сентября 1941 года, оставив дом и все имущество, выселили из родных мест АССР НП. Разрешено было брать с собой только самое необходимое. Наша семья состояла из шести человек: папа – Грош Август (1902 г. р.), мама – Лиза (1904 г. р.) и четверо детей – брат Август (1927 г. р., инвалид по зрению), сестры – Лиза (1930 г. р.), Ида (1938 г. р.) и я. На грузовой машине нас доставили на пристань «Золотое», где далее на барже по Волге приплыли до пристани «Ахмат». Все вышли, где нас ожидал дальнейший путь. Прошло несколько дней, когда нас посадили в грузовые вагоны и повезли по железной дороге. Куда? Это волновало весь эшалон. 28 сентября на станции «Бязымянной», где наш папа, купив для нас арбуз, услышал гудок паровоза и побежал к эшалону, подумав, по-видимому, что отходит наш эшалон, споткнулся и упал под вагон не

нашего, отходящего поезда. Случилась великая беда – наш папа погиб. Это была наша первая УТРАТА – мы потеряли папу. Маму и брата Августа подвели к папе, а нас, сестер, не допустили. Помню плачь, рев, шум – какое великое горе для нашей семьи. Папу накрыли брезентом, а нас повезли дальше. На какой-то станции нас догнал начальник эшелона и передал маме документы о том, что папа погиб, но ни пособие на детей, ни страховки не получили, хотя папа ее имел. Мама вся в слезах, и мы все четверо в четыре ручья. Вот так мы остались без папы.

А колесики все крутятся на Восток. Не доезжая до Красноярска, в вагоне у моей младшей тети Малюши родился сын (его до сих пор называют «Вагончик»), событие это произошло в конце сентября – Витю и тетю ее муж дядя Лео сумел определить в санитарный вагон.

Доехали до станции «Бугач» под Красноярском, где весь эшелон водили в баню и накормили какой-то похлебкой. Здесь в Красноярске нас распределили по районам, куда доставляли на подводах – осень, грязь и холодно. Привезли нас в село «Ильинка» Нижне-Ингашского района, где нас сибиряки встречали не «хлебом солью»; мы были немцы – с «нами» шла война, нас восприняли как немцев-фашистов, мы явились жертвами местной пропаганды. Особенно трудно было нам, детям. Хоть не появляйся на улице – сразу закидывали нас камнями и плевали в лицо. Старшим дали работу в колхозе.

Село «Ильинка» расположено не далеко от железнодородной станции «Решоты», где был концлагерь трудовой колонны НКВД, в котором находились братья моей мамы. Узнав об этом, мама и тетя Малюша пошли пешком на свидание к братьям. Однако, это была тяжелая «прогулка» без знания русского языка и этих мест. Концлагерь их встретил колючей проволокой, за которой находились опухшие, умирающие от голода и холода люди разных национальностей, которым хотелось хоть чем-то помочь. Изможденные тяжелой и опасной работой в этом концлагере на лесоповале люди выглядели как живые тени. Но, как попасть за колючую проволоку? Мир не без добрых людей – нашелся добрый человек, который помог маме и тете Малюше мимо «колючки» пройти через конюшню, встретиться с братьями и хоть шопотом поговорить и накормить их. Несколько таких коротких «свиданий» им посчастливилось провести. В «Ильинке» нам долго не пришлось жить. В зиму 1942 года в трудколонну НКВД забрали остальных мужчин, женщин, которых разлучали с детьми. Нас с мамой, бабушкой и тетей Малюшей с Витей (5 месяцев) направили на Крайний Север в Таймырский национальный округ. Из «Ильинки» до Красноярска опять нас везли на подводах. Помню, через речку лошади не хотели в воду идти и наш кучер, погоняя

лошадей, концом кнута сильно задел ногу сестры, от чего у Лизы потом с пальца сошел ноготь.

В Красноярске нас погрузили на теплоход «Иосиф Сталин», на котором плыли на Север по могучей реке Енисей. 21 августа 1942 года нас, как вторую партию спецпоселенцев, выгрузили на станке Усть-Хантайка. Прибывшая до нас первая партия в основном состояла из ребят и девчат 14–18 лет с матерями и без них, которые были одновременно мобилизованы в трудовые колонны НКВД. Среди них были и наши односельчане из села Гримм, в том числе Эмилия Эрдман с матерью Лизой и сестрой Марией. Нас вселили в еще не достроенный барак. Народу прибыло много, в барак поселили в два яруса, по 50 см на человека. Внизу разместилась бабушка, тетя Малюша и Витя, которому исполнилось не полных 11 месяцев, всего на троих 1,5 метра. Нам на втором ярусе на 5 человек – 2,5 метра нар из березовых сырых жердей. В середине барака поставили железную печку, освещались только лучинами; не оставляли нас в покое клопы, тараканы и вши.

Казалось, что ночам не будет конца – такими они были в темноте и переполненном бараке без вентиляции.

Третья партия спецпоселенцев приехала 14 сентября 1942 года, среди которых был Адольф Циммерман – будущий муж моей сестры Лизы; совместная их семейная жизнь длится уже 53 года. Из-за отсутствия в поселке свободного жилья под «деревянной крышей», люди третьей партии спецпоселенцев в основном жили на берегу Енисея в палатках – старики, женщины и дети. Этих людей привезли на погибель – до них никому не было дела. Не забуду, как я стояла на берегу и смотрела на брошенных людей, укутанных во что попало, кругом снег, холод, а еще живые люди в палатках! Мне было их бесконечно жаль, я такого горя еще никогда не видела, и чувствовала в своем маленьком сердце обреченность этих людей. Старики, еще имеющие в себе силы, начали строить землянки, в которых все же лучше было, чем в палатках. Среди них была и семья Циммерман, которая прожила в землянке 1,5 года. Только в 1944 году начали строить дома. Привели плот из Игарки со стройматериалами, которые из Енисея подняли осенью 1943 года. В 1944 году построили и открыли начальную школу. Среди немцев были и учителя: Лидия Кондратьевна Штраух и ее племянница Эльвира Вольф. Они тоже с семьей жили в нашем бараке.

В 1944 году я пошла в первый класс, а сестра Лиза – в третий, где учились русскому языку. Освещали школу коптилками, писали на бересте (березовой коре). Во втором классе появились тетради и даже специальные по чистописанию. 19 января 1943 года в возрасте пяти лет умерла моя сестра Ида. Это была наша вторая семейная УТРАТА и горе. Лежа-

ла покойница с нами на втором ярусе. Мама завернула ее в одеяло и на руках носила ее по бараку, умываясь слезами, пела ей песни, а кто-то ей подпевал. Из-за сильной пурги похороны отложили до лучшей погоды, когда мама и две женщины отнесли сестренку на кладбище, и предали Иду земле. Чем Ида болела, мы не знаем; по словам мамы она простыла. Однако она была очень слабая из-за нехватки питания. 3 июля 1944 года от голода и цинги умер мой брат Август, который оказался третьей УТРАТОЙ в нашей семье за прошедшие неполных три года. От семьи осталась половина: мама и мы с сестрой Лизой. Как это было тогда больно и тяжело нам и особенно маме, но надо было жить. Мама была сильной женщиной, очень нас любила и все делала, чтобы сохранить нашу с сестрой жизнь. Ночью при лунном свете она вязала нам теплую одежду, а днем работала в колхозе. Помню шла для отправки в Дудинку заготовка «хвои», горьким отваром которой поили людей против цинги. Если бы этот отвар пили мой брат и сестренка, возможно они остались бы живы, но...

И вот 9 мая 1945 года – ПОБЕДА. Радость была неописуемой. Жены ждали своих мужей, матери – сыновей из уральских и сибирских концлагерей. Но мало кто остался жив и вернулся домой. Очень были тяжелыми и послевоенные годы.

30 мая 1945 года мне исполнилось 10 лет. В этот день я чуть не умерла с голоду, я лежала на нарах и со мной моя тетя Малюша, у нас не было сил ходить, не знаю, что было бы с нами, если бы не счастливый случай. В этот день, впервые так рано открыл навигацию в Усть-Хантайке пароход «Спартак». Мама собрала некоторые папины вещи и пошла на пароход обменять на продукты. Маме очень и очень повезло, за одежду она получила калач хлеба. Мама обхватила руками хлеб и быстро на подкашивающихся от голода ногах вернулась в барак. Сказала: «Дочка, сестренка вставайте, отметим день рождения и первый 10-летний юбилей Ирмочки». Это был в то время самый дорогой подарок, мы все сели за стол (бабушка, мама, тетя Малюша, маленький Витя, сестра Лиза и я). Я не помню, когда я еще ела такой вкусный хлеб, как этот калач – его вкус запомнился мне на всю жизнь. Мы его ели и плакали. Бабушка, мама и тетя Малюша благодарили Господа Бога, что он услышал о нашем голоде их молитвы, мы спасены были от голодной смерти. Горько теперь вспоминать эти тяжелые, холодные и голодные годы. У нас с сестрой была одна телогрейка на двоих, мама из старья нам сшила бурки и нашла галоши. Теперь мы оказались одетыми и обутыми. Но при морозах 40–50 градусов такая одежда – только «сбегать до ветра». Валенки я впервые одела через шесть лет, которые мама заработала за хорошую и безотказную работу, но их размер подошел только мне.

Жизнь на станке Усть-Хантайка продолжалась. Наступила весна 1948 года. 8 июня во время сильного ледохода и большого разлива Енисея погибла наша рыбачка Анна Майзингер. Моя сестра Лиза (18 лет) оказалась живым свидетелем этого несчастного случая. Вот, что я помню с ее слов. Во время Енисейского большого половодья и ледохода обычно для нужд нашего колхоза «Северный путь» ежегодно ловили аварийный лес. Бревна Игарского лесокомбината на лодках буксировали до берега. Конечно, во время ледохода эта работа очень опасная. Звено во главе с опытным рыбаком Владимиром Вольфом (22 года), Анной Майзингер (22 года) и Лизой Грош (18 лет), будучи в лодке занимали места: девчата на веслах, а Владимир рулевым на корме, имело в качестве инвентаря один топор и багор. Пойманное багром бревно необходиво было отбуксировать и вытащить на берег. Работа эта очень тяжелая. В тот день им очень невезло. Лодку постоянно окружал лед. В какой-то момент льдом лодку подняло и они втроем стали бороться за ее плавучесть, но справиться с бедой было невозможно. Когда же глыбы льда сдавили лодку и она затрещала, Владимир крикнул: «Девчата надо спасаться!» Затем он схватил топор и выпрыгнул с девчатами из лодки. Однако Анна еще раз вернулась в лодку, чтобы взять платок и ремень. Далее Лиза и Анна оказались на одной небольшой льдине, которая плавала и качалась, некасаясь дна, оставаться на которой было опасно. У берега произошла очередная подвижка льда, и вдруг Лиза увидела, что лодка опять в чистой воде и на плаву. Лиза предложила Анне рискнуть (другого варианта не было) и добраться по льдинам до лодки. Анна ни слова не ответила, а Лиза, недолго думая и спасая жизнь, пустилась по глыбам льда и воды бежать, сумев добраться до лодки, набрав полные сапоги ледяной воды. Не успела Лиза оглянуться, как ледоходом закрутило лодку, и она в один миг подумала, что это ее смерть. Но лодка быстро опять встала вплавь. Владимир, видя, что Лиза в лодке, стал ее звать к себе. В это время он находился на большой глыбе льда, как айсберг, который стоял на дне близко от берега. Лиза со всей силы, как могла, веслом отталкивалась от льдин и добралась до айсберга. Вдвоем они стали искать льдину с Анной. Однако ее льдину течением от них уносило все дальше и дальше к середине реки. Анна на льдине то появлялась, то пропадала. Сквозь льдины ледохода Владимир с Лизой на лодке пробиться к Анне не смогли, из вида она пропала. Спасатели поняли, что среди сплошного потока льдин искать и догнать льдину Анны, находясь при этом сами в условии собственного огромного риска, не представляется возможным. Мокрые и обессиленные Владимир и Лиза поплыли к берегу, где разожгли костер, чтобы обогреться и огнем с дымом людям в поселке показать, что они живы. Увидев дым, в Усть-Хантайке все поняли, что есть кто-то

живой. Тогда тетя Малюша взяла сухую одежду и пошла (3 км) по берегу к костру. Мы с мамой, конечно, очень и очень переживали за Лизу, так как она в этой поездке была самая младшая – Господь ее сберег. Тетя Малюша до костра не дошла, так как, увидевшие ее Владимир с Лизой, подплыли к берегу и, взяв ее на лодку, втроем поплыли домой. О том, что тетя Малюша ушла к костру, мало кто заметил, поэтому все были рады возвращению троих. Когда же лодка подплыла к берегу, все увидели, что нет Анны. Немедленно пред. колхоза Иван Афанасьевич Моор собрал молодых людей (среди которых были Петр Циммерман, Антон Вайгель, Андрей Шотт, Андреяс Нойман и др.) и на большой лодке среди льдин поплыли на поиски Анны. Ребята вернулись, но без Анны, она погибла. Гибель Анны очень тяжело переживала ее сестра Лида Майзингер. Анна Майзингер оставила у всех хантайцев о себе добрую память.

Летом 1951 года председатель колхоза И. А. Моор направил меня учиться на курсы радистов в Дудинку для Усть-Хантайского радиоузла. В поселке поставили столбы с радиолинией, установили ветроэлектроагрегат. По домам установили репродукторы. Окончив курсы, я начала работать на радиоузле. Мой рабочий день начинался с шести утра до 24 часов, а также помогала бухгалтеру колхоза Агаде Голодышкиной (Ланг) в качестве кассира. Эту работу как подростку мне оплачивали 18 трудодней в месяц, один из которых тогда оценивался в 7 рублей. После меня на радиоузле работал Никитин.

Очень хотелось учиться, ведь пока мое образование только пять классов. Тогда я (14 лет) решила ехать в Дудинку учиться в вечерней школе, а днем работать. Но для этого нужно было заехать в Потапово, где была наша спецкомендатура и получить разрешение на переезд из Усть-Хантайки в Дудинку. Но комендант Лосев заставил меня вернуться.

Вскоре к нам в Усть-Хантайку приехал уполномоченный представитель НКВД и объявил, что мы – все немцы – высланы сюда навечно. Был плачь матерей и молодежи. За что такое наказание? Этот вопрос волновал каждого. В чем наша вина? Ответ один – виновность в том, что мы немцы.

В Усть-Хантайке мы прожили 12 лет. В 1954 году по вызову родственника нам разрешили выехать из Дудинского района в Емельяновский Красноярского края (45 км от Красноярска).

Вот так под сталинским гнетом прошли мое детство и юность. Уйдя из бесперспективной для немцев жизни в России, я с семьей с 1996 года проживаю в Германии.

16. Свидетельствует Левин Лох (1926–1996 гг.), заслуженный работник рыбного хозяйства России, делегат съезда немцев бывшего СССР, депутат Таймырского окружного Совета народных депутатов

(выдержки из статьи Л. Лоха «Трагедии не повторяются, если о них помнят… » в газете «Таймыр» от 28 августа 1988 г.)

Рассказ этот следует начинать с того, что ворвались сталинские репрессии в мою жизнь 17 июня 1938 года отца – кузнеца МТС – арестовали прямо у горна. Он строил Нижний Тагил. Свидеться с ним я смог лишь на Таймыре через 19 лет. На нас было клеймо семьи «врага народа». 15-летним в Есаулово Красноярского края я работал конюхом колхоза, сапожником, на лесозаготовках в тайге на реке Мана. Перед отправкой в Заполярье спецпоселенцев собирали около сельсовета. Председатель колхоза Тимофеев со своей компанией отбирал у людей все, что им пришлось по душе (одежду, обувь, посуду, инвентарь…). Заявляли, что все не потребуется, так как отправляют всего лишь на три месяца. Такого произвола никто не ожидал.

Везли всех на лихтерах и баржах в трюмах и на палубах под надзором. Было два каравана по восемь судов с буксирами «Молотов» и «Калинин». Наш караван прибыл в Дудинку 28 июня 1942 года. Людей начали делить. Часть семей, в том числе и нашу, повезли в Усть-Порт. Из поселка нас отправили на промысловую точку Хетские Пески. Это на Енисее – 18 км южнее Усть-Порта. Высадили на голый песок. Ни стройматериалов, ни инструмента не дали. Пришлось жить без какого-либо укрытия от дождя и комаров. Спасало нас то, что были среди нас два старика, которые знали строительное дело. Собирали аварийный плавник, закапывали столбы, делали в два ряда плетень, а промежуток между прутьями засыпали песком. Зарывались в землю, чтобы как-то обеспечить зимовку. Не было ни ламп ни фонарей. Зиму провели при лучинах. Топили ольхой-тальником.

На Хетских Песках мы вели рыбный промысел под руководством специалистов-бригадиров, специально мобилизованных из Астрахани для обучения спецпоселенцев. Летом вели лов закидными неводами длиной до 500 метров, с высотой в крыле до 18 метров. Смена состаяла из 16 человек (женщины и подростки). После 12-часовой смены улов на лодках доставлялся в Усть-Порт на консервный завод. Осенью продолжали неводной лов в невероятных условиях. Рыбачить приходилось босиком до 10 октября, когда весь берег покрывался снегом. Выходишь из воды, наступишь ногой на снег – и остается ледовый след! С тех пор прошло больше полувека, но до сих пор каждый вспоминает те горькие дни. Иногда наши бригадиры хотели нас пожалеть, не вести

лов во время штормов и сильных холодов, но уполномоченный имел власть и заставлял работать силой. Скидки никому не делал, чувств был лишен. При этом говорил: чем больше погибнет, тем лучше! Зимой, не имя теплой одежды, вели подледный лов ставными сетями. Первый год вели промысел от гослова Усть-Портовского консервного завода. В 1943 года в Усть-Енисейском районе были образованы рыболовецкие колхозы для спецпоселенцев. Создавались отдельные хозяйства для латышей, калмыков, немцев. В колхоз «Гвардеец» вошли и наши промыслы. Онако оставался гласный надзор спецкомендатуры. Никаких документов, удостоверяющих личность, мы не имели. Учет и отметка велись комендантом в специальных журналах. Запрещалось отлучаться даже в тундру за ягодой. Если больному требовалось попасть в Дудинку к хирургу, то надо было ждать до тех пор, когда кто-то из работников комендатуры сможет заболевшего сопровождать. Порой ожидание длилось не один год, как было со мною. От немцев в комендатуре брали письменное подтверждение того, что они на веки веков отказываются вернуться на Волгу, туда, где они родились. Требовали расписки, что мы навсегда отказываемся от ценностей, которые были оставлены на родине при выселении (дома, дворовые постройки, скот, птица и другое имущество). Если у кого сохранились квитанции на этот скарб, то их просто отбирали. Пришлось пережить много издевательств и унижений. Тяжело даже сейчас вспоминать, как к нам относились работники КГБ и МВД-Аносов, Карманов и Неллин... В таких условиях работали в течение пяти лет. Но молодость брала свое. Мы старались петь, организовывали танцы. У меня оказались с собой балалайка и гитара. Нашлись и у других мандолина и вторая балалайка. Организовали свой оркестр, под игру которого проводили танцы.

Зарабатывали мы мало, позднее узнали, что нас обкрадывали. Часто приходилось продавать карточки на сахар, масло табак и чай, чтобы выкупить хлеб. Даже в этих условиях все активно подписывались на государственные займы, чтобы приблизить окончание войны. В 1947 году на отчетно-выборном собрании колхоза «Гвардеец» я был ибран председателем. Это было для меня большой неожиданностью. Четыре года руководил колхозом. И дело шло, труд не страшил. Никому не ведомо, сколько пришлось уже здесь пережить издевательств от разного рода руководителей, сотрудников спецорганов... Как бы там ни было, но в колхозе «Гвардеец» за 10 лет никто не умер, тогда как многие в Усть-Енисейском районе погибали от цинги. В колхозе «Четвертая пятилетка» на промысловом участке Носоновск был настоящий мор. До 1947 года среди немцев не родился ни один ребенок, на целых пять лет была приостановлена деторождаемость. Окончив успешно одиннадцать

классов вечерней школы я хотел уехать учиться в Новосибирск, но не смог все из-за той же принадлежности к немецкой нации. С шестидесятых годов сотрудничаю с окружной газетой. Писал о бережном отношении к Таймыру, который стал для нас, даже не по доброй воле здесь оказавшихся, второй родиной. Отрадно, что впервые в печати на Севере рассказал о судьбах спецпоселенцев из Поволжья, что тема восстановления исторической справедливости в отношении российских немцев и всех репрессированных народов нашла свое место в средствах массовой информации на нашем полуострове, в Красноярском крае. Не решенных проблем в возрождении духовности, национальных культур остается еще немало. Этот долг перед жертвами тоталитаризма неоплатный, он требует действия от всех, кто помнит о своих национальных корнях и уважает права каждого нашего большого и малого народа.

Все, что сказано выше относится к Енисейскому бассейну Таймыра от Усть-Хантайки до острова Диксон. Однако спецпоселенцы были также направлены и на «освоение» бассейна реки Хатанга, находящийся в восточной окраине полуострова Таймыр. Людям, попавшим в Хатангский район, пришлось пережить еще большие тяготы, чем енисейцам. Большая благодарность объявившемуся одному хатангцу Карлу Кюлю, который поведал нам весь ужас, им пережитый.

17. Свидетельствует Кюль Карл (1926 г. р.)

В Красноярске нашу семью: мать Терезию Кюл (1896 г. р.), сестру Альбину Хесс (1919 г. р.), сестру Хильду Кюл (1921 г. р.), Карла Кюл (1926 г. р.), сестру Ольгу Кюл (1929 г. р.), в конце августа 1942 года на колесном пароходе «Мария Ульянова» отправили на «освоение» рыбных запасов сибирских рек, по мобилизации местного военкомата направили вниз по Енисею на Крайний Север. Переполненный пароход шлепал своими колесами от одного склада до другого, останавливаясь для погрузки нашими руками дров для паровой машины. Было страшно проходить через Казачинский порог – ошибка рулевого стоила бы не одной сотни жертв. Но все обошлось, так как команда и капитан в этот момент были трезвы. На станке Ананьевское (65 км ниже Дудинки) нас, примерно 200 человек, в основном женщины с детьми, подростки, старики, немцы из Поволжья, латыши, финны, высадили на голый и холодный берег Енисея. Уже северная осень, а жилья нет. Люди стали искать спасение в землянках, которые пришлось строить в вечной мерзлоте. Люди стали болеть, особенно дети. Хорошо помню, что за зиму 1942 года из-за голода, холода и болезней умерли все дети (за исключением одного) в возрасте до пяти лет. Мы оказались вне нормального

снабжения питанием и одеждой, так как должны были быть еще в навигацию 1942 года доставлены на Хатангу. Но морской корабль не прибыл к сроку, и наш дальнейший путь отложили на лето 1943 года. Что же всю зиму делали 200 человек? Часть умерла, сняв заботу власти о себе, другая часть рыбачила и охотилась на песцов, зайцев и куропаток. Недолго думая, образовали колхоз «Заря», и жизнь стала уверенней, целевой. Зима завершилась с потерей 60 человек.

В начале июля 1943 года за нами прибыл морской корабль, в трюмах которого нас разместили и повезли вниз к Карскому морю. В пути получали слабое одноразовое питание. У острова Диксон нас ожидал ледокол и военный сторожевой корабль. Наш путь лежал вокруг Таймырского полуострова с его знаменитым мысом Челюскина, являющимся самой северной точкой Евразийского материка. Но, находясь в пути около двух суток, оказалось, что наш корабль на Диксоне не заправился пресной водой, и нам пришлось за ней вернуться, потеряв при этом четверо суток. Мыс Челюскина является самым труднопроходимым местом по всей трассе Северного морского пути от острова Новая Земля до Берингова пролива на Чукотке – он постоянно забит льдами, и нашему ледоколу пришлось много потрудиться, чтобы обеспечить проход нашему кораблю. Неудивительно, что этот переход занял 20 суток. Наш корабль бросил якорь 1 августа 1943 года в 30-ти километрах ниже райцентра Хатанга, все были на палубе и увидели пустыню – тундру, покрытую мхом и залитую круглосуточным солнечным светом. Незабываемая картина. Кругом ни человеческого жилья, ни обычного леса, только двое стояли на берегу: нас встречал директор моторно-рыболовной станции (МРС) с помощником. Однако команда «Выгружайсь!» по корабельному радио прогремела, и наша группа в 140 человек оказалась наидине с северной природой без жилья, на пустынном берегу, без теплой одежды и питания. Было страшно видеть, как обреченно выглядели одинокие женщины с детьми. Из берегового кустарника начали строить шалаши, чтобы как-то спастись от миллиардов комаров и мошек. На горизонте виднелась возвышенность и рядом с ней низкий лес. Это внушило нам надежду на возможность иметь стройматериалы.

Директор МРС организовал доставку из Хатанги хлеба и продуктов. Мне с другом достались мешки с хлебом, которые мы на лодке доставили нашим людям. Позже был построен ларек, чрез который люди стали отовариаться по карточкам и по рулонам. Заработки были очень низкими, и денег не хватало, чтобы выкупить все продукты. Поэтому многиие семьи голодали и умирали от цинги. Меня спасло от смерти только то, что я работал в рыболовецкой бригаде и мог питаться рыбой. Рыба в первые годы спасла многим жизнь. Мы на Хатанге ощущали сильное

внешнее угнетение из-за того, что ты находишся на «краю света». Как ни как на Енисее ты по реке связан с магистралью и центром, а здесь тупик, где по соседству на острове Нордвиг «сидят» люди, имеющие срока 100 и выше лет. Конечно, это не политзаключенные – это разбойники, убийцы и воры высшего калибра, набравшие такие срока, будучи в заключении. Районная комендатура нам четко указала границы перемещения: за пределы поселения – только с разрешения председателя колхоза, а за Хатангский район с разрешения коменданта.

Итак, мы находимся на «краю света», что означает отсутсвие какой-либо связи с внешним миром. Говорят, что поселок Хатанга имеет воздушную связь с Дудинкой и Игаркой, но для нас она недоступна. Строя шалаши, мы скоро поняли, что они должны быть зимостойкими. Для этого на каркас из прутьев стали укладывать полметровый слой мха. Это было нововведение по сравнению с енисейцами, которые лезли в землю, строя землянки. Наши утепленные «кибитки» (занесенные зимой снегом) были более гигиеничными, теплыми и удобными как жилье. На второй год такой конструкции соорудили даже барак с двумя печками по торцам. Нам повезло с колхозным руководством. Администрация организовала рабочие бригады: рыбаков, строителей, транспорт, хоздвор. При этом в штормовые дни рыбаки переводились на строительные работы. Дело в том, что со временем мы перешли на строительство рубленых домов из находившихся здесь стволов деревьев диаметром 14 см. Помогали нам и аварийные бревна, которые плыли мимо нас от разбитых в шторм в верховьях реки Хатанги плотов. Однако только 30–40 % людей были обеспечены постоянной работой – появились бзработные. Благодаря полученным в кредит от МРС снастей (неводов и сетей) наши рыбаки с помощью местных знатоков кое-как научились добывать рыбу. Был даже случай, когда в одном притонении оказалось 12 цетнеров сельди. Очень печально, что рыбаки-спецпоселенцы на Хатанге оказались глубоко обманутыми в цене сдаваемой рыбоприемному пункту рыбы: по сравнению с енисейскими ценами они в среднем были на 20–40 % ниже и не позволяли рыбакам на сданную рыбу полностью отоварить полученные рулоны. В целом уловы рыбы во время ее хода (сельди, сига, омуля, чира, муксуна, и реже – нельмы и тайменя) были высокими, что давало возможность нашему колхозу ежегодно выполнять план. Неводами рыбачили босиком до октября месяца, когда берега в снегу, а урез воды покрыт шугой, ледяная вода, казалось, была теплее, поэтому из нее не выходили. Среди других организаций Хатангского района наш колхоз значился одним из лучших. Именно это обстоятельство стоило нам один год лишнего пребывания в качестве спецпоселенцев – районные власти скрыли от нас известие о нашей реабилитации в 1956 году, сообщив нам

об этом только год спустя, в 1957 году. Терять один из передовых колхозов с прибыльным хозяйством «хозяевам» района не хотелось. При ликвидации в 1957 году колхоза на его счету в госбанке значилась сумма 1 миллион рублей (по тем временам это была большая сумма), однако среди колхозников, как их собственность, эти деньги не были распределены, пополнив собой лишь Хатангский районный бюджет.

Наше относительное к 50-м годам благополучие на Хатанге возникло благодаря большому труду, вложенному нами в 1943–1946 годы в строительство поселка, и постоянной ловле рыбы (две бригады с двумя 300-метровыми неводами по восемь человек), хорошей организации труда во всем хозяйстве. Жертвами среди наших людей оказались, главным образом, женщины с детьми и безработные. У хатангских спецпоселенцев процесс освоения нового поселения на «краю света» происходил медленно из-за гнетущей оторванности людей от «света» и худшим снабжением товарами и инструментами. Ведь чем наша группа особенно сильно пострадала, это тем, что нам пришлось два раза строить жилье и зимовать: первый раз в 1942 году в Ананьевском и второй раз в 1943 году на Хатанге. Знания о правильном ведении рыбодобычи мы получили только на третий год после нашего приезда на Хатангу – инструкторов не было. Люди не имели понятия о коструkции неводов и сетей, не знали о сетевых иголках, и как ими плести и чинить невода и сети. Авторы нашей высылки на Хатангу сильно просчитались в необходимом количестве рабочих мест – их хватило только на 30–40 % рабочих рук, что, в конечном счете, привело к повышенной смертности людей из-за голода, холода и цинги. Сложность устройства нашей жизни на новом месте заключалась еще и в плохом демографическом составе нашего населения: женщин с детьми до 16-ти лет – 90 %, мужчин с 16-ти и выше лет только 10 %. Какие наружные тяжелые ручные работы могли эти люди в условиях лютой природы выполнять, когда летом гнус, а осенью и зимой – босоногая рыбалка в ледяной воде и мороз, не имея при этом соответствующей одежды. Люди были в отчаянии. Дело дошло до самоубийства. Вдруг моя мама кричит: «Карл, скорей беги за ножом, режь веревку, спасай женщину». Обреченную удалось спасти. В 1957 году она выехала на «большую землю». Особенно пострадали латыши, среди которых вымерло несколько семей. Умерла моя мама в 1946 году. Женщины не могли самостоятельно обеспечить свою семью жильем. Медицинского обслуживания мы были полностью лишены, да и не удивительно – ведь для организации медпункта требовалось специальное помещение и жилье для медика.

У нас, как и везде, действовал лозунг «Больше рыбы фронту», а это означало жесткий контроль над рыбаками – с места добычи рыба немед-

ленно направлялась на рыбоприемный пункт, исключая всякую ее утечку на сторону. Поэтому люди без постоянных рабочих мест голодали и буквально семьями вымирали. Очень пострадали семьи немцев и прибалтов, не знавших русского языка. Это являлось серьезным препятствием в устройстве на работу, особенно в тепле. В целом наша группа за 15 лет своего существования (1942–1957), осваивая Хатангский бассейн, заплатила сталинскому режиму сотней жизней (50 %) своих сограждан.

С Хатанги наша оставшаяся семья – две мои сестры и я – выехала в 1957 году в Сухобузимо Красноярского края, отдав 15 своих лучших юношеских лет на бесцельное освоение рыбных запасов Таймырского Крайнего Севера, отнявшее у меня здоровье, мать и сестру. С 1992 года проживаю с семьей в Германии по адресу: Kühl Karl Bjorringbrostr. 47, 23812 Wahlstedt. Tel. 04554/5934.

Со слов Кул Карла записал Петри Лео.

Приведенные выше свидетельские и архивные сведения о беде, в которую попали спецпоселенцы на Таймыре в 1942–1943 годах, относится только к шести населенным пунктам: Усть-Хантайка, Потапово, Малышевка, Дорофеевск, Пшеничный ручей, Теплоход и Хатанга. Собранные Таймырским окружным краеведческим музеем и опубликованные в «Музейном вестнике» (Выпуск 1. Дудинка, 2001). Архивные данные относятся тоже к событиям тех же лет, и происходили в указанных выше населенных пунктах, а также и в других районах Таймыра: Ананьевский, Усть-Порт, Воронцово, Ошмарино, Никандровск, Носоновск, Сидоровский, Казанцево, Никольский, Левинские пески, Носоновские острова. Во всех этих пунктах картина была одна и та же – отсутствие жилья и теплой одежды, холод, голод, цинга, массовые заболевания, дефицит и отсутствие топлива и, как следствие, – массовая гибель людей. Об этом еще не забыли уцелевшие свидетели.

По каким признакам можно обобщить пережитый ужас, который объединяет всех людей названных населенных пунктов? Этих признаков, как показывает анализ, всего только несколько:

- **истребление спецпоселенцев, связанное с национальностью человека или семьи: немецкая, латышская, калмыцкая, финнская и др.;**
- **помещение людей в условия, в которых жизнь человека невозможна;**
- **с помощью суровой полярной природы физическое уничтожение людей.**

Всего три признака объединяло тогда всех таймырцев-спецпоселецев. Раскроем каждый признак.

1. Национальность является основным признаком, по которому человек стал спецпоселенцем и получил вечную прописку в своем населенном пункте на Таймыре (Указ ПВС СССР от 26.11.1948).

2. На Таймыр в 1942–1944 годах военкоматами было мобилизовано и отправлено в 3–3,5 раза больше людей, чем трбовалось рабочей силы во вновь организованной рыбной индустрии. «Лишние люди» в результате оказались без средств к существованию: нет жилья, одежды, питания, топлива, холод, голод, цинга, отсутствие медицины – массовое вымирание целыми семьями. (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке»).

3. Спецпоселенцы, особенно прибывшие на Таймыр во второй половине лета 1942 года, оказались на вечной мерзлоте в землянках (норах), в которых условия пребывания соответствуют только вымиранию, но не жизни человека любого возраста. Как свидетельствуют потерпевшие, непоправимый гибельный урон нанес части немцев Поволжья и прибалтам также преступный обман спецпоселенцев при отправке их с мест жительства в 1941 году, когда военные конвои не разрешали брать теплую одежду, заявляя: «К зиме вернетесь!» Это был прямой посыл на уничтожение. Приведенные нами рассказы очевидцев и архивные материалы – убедительное свидетельство трагедии многих народов на Таймырской земле в 1942–1948 годах. По отношению к спецпоселенцам кремлевскими вождями был проведен, с помощью суровой природы Крайнего Севера, настоящий геноцид. Чтобы ясно себе представлять, что следует понимать под термином «геноцид», обратимся к энциклопедии. «Геноцид» (от греческого genos – род, племя и латинского caedo – убиваю), одно из тягчайших преступлений против человечества, истребление отдельных групп населения по рассовым, национальным, этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид). Такие преступления совершались в массовых масштабах гитлеровцами во время Второй мировой войны, особенно против славянского и еврейского населения. Преступления геноцида против компучийского народа совершила в период своего правления преступная клика Пол Пота и Иенг Сари. Геноцидом являются некоторые акты апартеида. Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948 г.) устанавливает международную уголовную ответственность лиц, виновных в совершении геноцида». (Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 290). Режимы нацистский, ста-

линский и «красных кхмеров» признаны всем миром одними из самых страшных в истории человечества.

Какие из трех признаков нашего обзора по Таймыру относятся к термину «геноцид»?

1-й признак – истребление по национальностям – полностью относится к геноциду.

2-й признак – умышленное создание нежизненных условий – полностью относится к геноциду.

3-й признак – полное или частичное физическое уничтожение отдельных групп населения – полностью относится к геноциду.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что в 1942–1948 годы на Таймыре в отношении спецпоселенцев разных национальностей кремлевскими вождями был совершен геноцид, в результате которого было уничтожено до 70 % завезенных на Крайний Север людей, оказавшихся лишними из-за отсутствия рабочих мест. Откуда появилась цифра 70 %? Чтобы оценить таймырский трагизм среди СП, необходимо знать число погибших там людей. Этой официальной цифрой мы пока не располагаем. Но для оценочного расчета она может быть получена по статистике двух поселков – Усть-Хантайки и Потапово. Дело в том, что эти населенные пункты являются самыми южными на территории Таймырского полуострова в зоне лесотундры и по климату, безусловно, находятся в менее суровых условиях, чем, например, поселки в Усть-Енисейском, самом северном районе – в зоне чистой тундры. Исходя из этого, мы вправе условно распространить данные по этим двум поселкам на весь спецпоселенческий контингент, как находящийся в еще более худших условиях, не делая заметной ошибки в сторону увеличения смертности. Итак, в Усть-Хантайке и Потапово из общего числа прибывших СП 1950 человек смертность за три года составила 1370 человек, то есть 70 %. Как отмечено выше, на Таймыр по архивным данным всего было доставлено (немцев плюс калмыков) округленно – 10900. Однако из Таймыра в 1948 году выбыло на остров Сахалин по вербовке 2000 человек. Поэтому расчетной цифрой прибывших на Таймыр СП справедливо следует считать 10900 минус 2000, то есть 8900 человек. Тогда, имея цифру 70 % погибших в поселках Дудинского района, получим расчетную смертность в целом по Таймыру 6200 человек. За четыре года своей деятельности Таймыргосрыбтрест добыл только 213 тысяч центнеров рыбы и, не оправдав ожидаемый экономический эффект, в апреле 1946 года был ликвидирован. Этим фактом правительство признало тот абсурд, который оно допустило, мобилизовав на Таймыр 11 тысяч людей, из которых 8–8,5 тысячи были лишними, спровоцировав тем самым смертность порядка 6 тысяч СП. Таким образом, конечным

результатом освоения Кремлем рыбных промыслов Таймыра явилось с помощью суровой природы Севера избавление от части «вражеского народа» по известной формуле Сталина: «Нет человека – нет проблемы». В качестве примера по поводу «лишних людей» может служить Усть-Хантайский колхоз «Северный путь», в хозяйстве которого люди работали: на рыбном промысле 3 бригады – 48 чел., стройбригада – 20 чел., администрация – 5 чел., обслуживание населения – 20 чел., всего – 93 чел., округлим до 100 человек, имеющих постоянные рабочие места. Фактически к осени 1942 года было доставлено 450 человек, то есть 350 человек или 350% оказались «лишними людьми», не имеющими рабочих мест и, следовательно, без заработка для полного выкупа хлеба и продуктов по иждивенческой карточке. Люди обрекались на голодную смерть. Аналогичное положение возникло и в других поселках. Из приведенных данных можно смело считать, что на Таймыр в 1942–1944 годах было завезено рабочей силы в 3–3,5 раза больше, чем требовалось для выполнения Постановления правитльства от 6 января 1942 года, во исполнение которого военкоматы и управления НКВД сибирских краев и областей явно перестарались – по объему работы достаточно было мобилизовать для Таймыра 2500–3000 работоспособных людей. Более чем трехкратный запас рабочей силы нельзя объяснить иначе, как политику по достижению властью двух целей: во-первых, использование труда СП в рабских условиях в лице 2500–3000 человек и, во-вторых, геноцид, которому были подвержены «лишние» 8000–8500 человек. Под геноцидом люди оказались из-за: 1) недостаточного количества рабочих мест в рыбном промысле; 2) наличия во многих семьях детей и стариков; 3) фактического отсутствия медицинского обслуживания; 4) отсутствия жилья; 5) отсутствия теплой однжды; 6) враждебного отношения органов НКВД и местной администрации к спецпоселенцам. О точности приведенных данных в целом по Таймыру можно спорить, но неоспоримо то, что «лишних людей» здесь оказалось как минимум в три раза больше, чем требовалось. Это подтверждается фактами ликвидации в 1946 году Таймыргосрыбтреста и проведенной в 1948 году массовой вербовки СП на острове-Сахалин. Говоря на юридическом языке, Таймыр для части СП явился пересылочным пунктом между Сибирью и островом Сахалин. Гибель более половины завезенных на Таймыр невинных людей является еще одним дополнительным пунктом к списку преступлений исполнительной власти Сталинского режима. Майор Овчинников был прав, разорвав на Красноярском причале у финна паспорт – он еще в июне 1942 года знал, что нас будет ожидать без жилья и теплой одежды на Крайнем Севере – на том свете паспорта не требуются.

Справедливости ради нам следует не обойти вопрос: а какова была в те же 1942–1948 годы судьба «нелишних людей»: рыбаков, охотников, оленеводов, строителей, рядовых рабочих и административных работников колхозов, специалистов речного флота, работников торговли и питания, учителей школ, государственных служащих, медиков и других?

Жизненный уровень перечисленных работников в целом можно считать был удовлетворительным, хотя в части обеспеченности жильем очень плохое, перенаселение было и в Дудинке и во всех поселках (о чем выше сказано очевидцами).

Жилищной проблемой в те годы никто не занимался, и строительство велось на Севере только ведомственно для удовлетворения нужд сегодняшнего дня. В поселках (Усть-Хантайке, Потапове, Никольском и др.), благодаря спасенным осенью 1942 года плотам со стройматериалами, велась интенсивная сборка двухквартирных домов. В Усть-Хантайке для детей-сирот был собран барак и открыта «лесная школа» со штатом воспитателей и учителей из числа спецпоселенцев. Через 2–3 года с разрешения спецкомендатуры многие переехали в Дудинку, где стали учиться на различных курсах местного уровня или работать в конторах и больницах (до настоящего времени, то есть спустя более 60-ти лет, основной медицинский персонал в Дудинке состоит из 2-го и 3-го поколения репрессированных).

На свободные рабочие места на Севере спецпоселенцев (кроме г. Норильска) везде принимали за исключением транспортных организаций, куда спецкомендатура разрешение не давала. Запомнились некоторые организаторы-спецпоселенцы, работавшие в них:

Перевалочная база Таймыргосрыбтреста – Юрий Янкович, Федор Штроо, Артур Брунер; Дудинский рыбкооп – Клара Швааб, Геральд Вальтер; Клуб порта – баянист Александр Вагнер, пианистка Рута Янкович; Дудинская средняя школа, учителя – Николай Вагнер, Лиля Вагнер; Дудинский промкомбинат – Александр Госсманн, Федор Швааб, София, Элла и Эрнст Завадские, Виктория Вальтер, Виктория и Альфонс Гаппельдт; Таймырокрпотребсоюз – Анна и Леля Вильгельм; Управление Дудинского порта НКВД – Александр Горр, Роберт Клынтс, Лев Петри (1946–1948); Таймырская окружная больница – Наталия Янкович; Дудинская промартель – зав. Минна Вальтер; Таймыргосрыбтрест – Лев Петри (1944–1946); Дудинская экспедиция Гипроречтранса – Виктор Госсманн; Таймырская окружная школа колхозных кадров – учащаяся Бригита Гинц, Ирма Шерер; Дудинская сберкасса – Элла Гаун.

Эти люди в основном после 1944 года из поселков перебирались в Дудинку и находили работу в различных организациях и, конечно, не

имели своего жилья, живя у знакомых или снимая углы. Но это был хотя и временный, но выход, чтобы не попасть в число «лишних людей». Тот, кто получил возможность работать, тот жил.

Погибали в основном люди, оказавшиеся в небольших поселках из числа «лишних»-безработных. Спецкомендатура НКВД трудоустройством, привезенных на Север «лишних» спецпоселенцев вообще не занималась. Поэтому последние оказались брошенными на произвол судьбы, то есть практически – на погибель.

Людям нового поколения трудно поверить, что 60 лет назад жизнь людей на Севере полностью была зависима от их обеспеченности жильем и теплой одеждой.

Сейчас при обеспечении теплом от центрального отопления в Дудинке и Норильске, а в поселках при наличии ручных цепных мотопил, заготовка дров летом на всю зиму не представляет проблемы. Также нет сложностей в приобретении теплой меховой одежды в том числе и местного производства. Это сейчас! А тогда... что «кремлевские вожди» не знали о смертельной опасности, высылая на Крайний Север целые народы в районы, где нет жилья? Отлично знали! Известный нам начальник Управления НКВД Таймырского национального округа майор Овчинников еще в середине июня 1942 года, разрывая финну паспорт, правильно сказал: «Теперь тебе паспорт не нужен. Иди на лихтер». Он тогда уже знал, что люди, отправляемые караваном по Енисею на Север плывут на вымирание и, следовательно, документы личности им не нужны, это «вражеские народы».

Многовековая история изучения и освоения Крайнего Севера показывает на сколько трагично заканчивались многие экспедиции, специально оснащенные всем необходимым для создания условий работы и проживания на Севере, как правило, здоровым мужчинам. В нашем же случае в те же суровые условия Заполярья на освоение тех же мест (по сов. секретному Распоряжению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 197 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке») были высланы только женщины с детьми, подростки и старики, так как все мужское немецкое население от 15-ти до 55 лет по совершенно секретному Постановлению от 10 января 1942 года № ГКО–1123 сс было мобилизовано в «рабочие колонны» НКВД и пребывало в концлагерях со всеми атрибутами лагерного режима: колючей проволокой, сторожевыми вышками, нормами продовольственного снабжения, установленными ГУЛАГу НКВД СССР. Следует обратить особое внимание на название Распоряжения СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 197 – ведь в нем ни слова не сказано о «Крайнем Севере»! Только «Сибирь». Но позвольте, ведь Сибирь это не Крайний Север, где

мы оказались. Как видим, в самом Распоряжении правительства был заложен скрытый фактор геноцида со стороны Кремля: написать одно, а делать другое, имея конечную цель – уничтожение неугодных людей с помощью суровой природы Заполярья. Вдумайтесь только! Какое «развитие рыбных промыслов» может дать на Севере рабсила, состоящая из одних женщин и подростков? Без жилья и одежды! Еще с довоенных времен снабжение Крайнего Севера резко отличалось от обычного: на всех ящиках и упаковках писалось – «Для Крайнего Севера» – это означало – высшего качества, внеочередная доставка, в общем – лучший сервис. И это понятно, так как существовал и существует до сих пор так называемый северный завоз, который ограничен из-за природных условий сроком выполнения, с одной стороны, и, главное – от срока выполнения завоза может зависить даже жизнь живущих там людей. Всем известно, что Сибирь и Крайний Север – это не только разные географические пространства, но, что самое главное, совершенно разные для проживания людей климатические условия. Естественно, не создав элементарных условий жизни, люди на Крайнем Севере обречены на гибель. Именно на этот итог и расчитывал Кремль, так как другого варианта природа не могла предоставить. Авторы названного Постановления, без преувеличения, можно сказать явились авторами геноцида, так как преступно не обеспечили материально и финансово его выполнение. Это такое же преступление, как если бы, предположим, издать приказ на отправку на Крайний Север научной экспедиции, не обеспечив ее продуктами питания, жильем, одеждой и финансами. Такая преступная затея была бы обречена на провал. То же самое произошло и на Таймыре: никакого «развития рыбных промыслов» там не было достигнуто, а «команда-экспедиция» из спецпоселенцев, оставив в вечной мерзлоте 60–70 % своего состава, вернулась к исходному пункту с отрицательным результатом.

С какой стороны к происшедшему ни подходи, с любой из сторон официальные документы доказывают геноцид, проведенный Кремлем над репрессированными народами на Таймыре. Массовую гибель людей в 1942–1944 годах спровоцировала власть, используя суровую природу Заполярья. Здесь уместно вспомнить слова бывшего зэка и знаменитого артиста Г. С. Жженова: «Знать бы, во имя чего ты принимаешь муки, – было бы легче!» Теперь, когда постепенно вскрываются все преступления сталинского режима, особенно в военное время, по отношению к советским немцам, очень ценны воспоминания свидетелей еще живых, которые отражены выше.

Необходимо знать всю правду о прошлом и пережитом, чтобы это не повторилось в будущем. Конечно, после смерти «отца всех народов»

Кремль осудил свою собственную политику по отношению к советским немцам. Но как? Вот что пишет в своем Указе от 29 августа 1964 года «старый лис» А. Микоян: «В Указе от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (подписанный старостой Кремля М. Калининым)... были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией... ПВС СССР постановляет:

Указ ПВС СССР от 28 августа 1941 года... отменить. 2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства.., а районы его прежнего места жительства заселены... поручить СМ Союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению... в хозяйственном и культурном строительстве...»

Бездарный и лживый «документ»! Во-первых, о каком подавляющем большинстве немецкого населения можно говорить, когда это немецкое население на 100 % от мала до велика работало под оком спецкомендатуры НКВД и, следовательно, не подавляющее большинство, а полностью все работоспособное немецкое население вкладывало свой труд и даже жизни в победу страны в войне. Это явное искажение действительности в истории целого народа.

Во втором пункте постановляющей части констатируется как факт, «что население (оказывается!) укоренилось по новому месту жительства...» Хорошенькое укоренение произошло целого народа под угрозой 20-летней каторги и теперь, соглашаясь с этим, намекают – живите в Сибири и на Севере, продолжайте там жить. Ни слова о возврате на Волгу и автономию.

Беспросветная ненависть к немецкому народу как была, так и осталась. С кончиной Сталина «кремлевские вожди» фактически продолжали политику своего «мудрого» шефа.

Но главная неправда данного «сочинения» в явной лжи в отношении якобы заселенности прежних мест жительства, то есть территории АССР НП! Как следует из стенограммы приема 11 июля 1988 года граждан немецкой национальности Председателем Совета Национальности ПВС СССР Воссом А. Э. работник сельского мелиоративного строительства Петерс Б. Д. сообщил о «резком уменьшении численности сельского населения в Саратовской области: по сравнению с предвоен-

ным временем – численность уменьшилась более чем в два раза, а средняя численность на один населенный пункт сократилась в шесть раз.

Наши районы настолько сейчас обезлюдели, что привлекают на необходимые работы досрочно освобожденных, условно осужденных и т. п. людей». Спрашивается, о каких заселенных районах может идти речь, если со стороны привлекают случайных граждан? Ложь! Цель – уйти от решения немецкой проблемы.

Следующим документом, рожденным Кремлем, как бы направленным к справедливости в отношении советских немцев можно считать Декларацию ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 года. В данной Декларации, в частности, отмечается, что «в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего. Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ.

Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенных зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забывать нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев… ВС СССР безоговорочно осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права… ВС СССР гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране.

ВС СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям».

Опять очередная пустая бумага, которая ничего не гарантирует, так как последующие «принятые соответствующие законодательные меры» не восстановили прав только немцам, которые так и не получили полной реабилитации и автономии.

Появляется новое Постановление СМ СССР от 29 января 1990 г. № 90 «Об образовании Гос. Комиссии по проблемам советских немцев», подписанное Пред. СМ СССР Н. Рыжковым. Эта комиссия была составлена из 28 членов, среди которых, в частности, были и известные деятели немецкого движения: Раушенбах Б. В. – академик Академии наук

СССР, Вормсбехер Г. Г. – редактор журнала «Родные просторы», сопредседатель общества советских немцев «Возрождение» и другие.

13 августа 1990 года вышел, если так можно выразиться, обобщающий Указ Президента СССР М. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», в котором признается, что Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив Советский народ свобод... Массовые репрессии осуществлялись большей частью путем внесудебных расправ через так называемые особые совещания, коллегии, «тройки» и «двойки»... Восстановление справедливости, начатое XX съездом КПСС, велось непоследовательно и, по существу, прекратилось во второй половине 60-х годов (точнее – при Брежневе). В Постановлении отменены все незаконные акты против народов, подвергшихся переселению, полностью восстановлены права этих граждан. И все. Практически – подчищено все «сталинское». А решение о немецкой полной реабилитации так и не было принято. По чьей вине в отношении репрессированных народов был допущен в 1942–1948 годы на Таймыре геноцид?

Лучшие люди из числа спецпоселенцев на Таймыре

За время с 1942 года среди спецпоселенцев Северная земля вырастила целый ряд «патриотов Таймыра», честно отдававших многие годы свой труд незабываемому Крайнему Северу, на земле которого прошла их юность, были горе и радость, успехи и общее признание их деятельности. Они вошли в историю Таймырского автономного округа.

Горр Александр (1928 г. р.)

Истинный таймырец, отдавший Крайнему Северу большую половину своей жизни. С выходом на пенсию, он продолжает поддерживать связь с Таймыром: с Дудинкой, Норильском, Талнахом, Снежногорском, Потапово. Прибыв в сентябре 1942 года в Потапово с третьей партией спецпоселенцев, он прошел все трудности и тяготы того времени. Жадно стремясь к образованию, окончил школу в Дудинке, а потом заочно и институт в Иркутске. В Потапово и Дудинке проработал более 20 лет, затем был переведен на работу в Норильский горнометаллургический комбинат, где до ухода на пенсию, был заместителем директора этого комбината. Такой быстрый и высокий карьерный взлет А. Горра объясняется его неутомимой и завидной энергией, несравнимым энтузиазмом, служебной инициативой и высокой квалификацией. А. Горр оставил о себе на Севере особую помять. Достаточно сказать, что при его личном участии была проведена закупка оборудования в Финляндии, построены два важных для Севера завода – колбасный и молочный, причем первый – на местном сырье – оленьем мясе. Этот колбасный завод выпускает пищевую продукцию более 10 наименований. В июле 2002 года в Москве этот завод, на конкурсе колбасных изделий, среди предприятий пищевой промышленности, был удостоин Золотой медали. Оба завода – высокоавтоматизированные предприятия Норильска. Работа А. Горра постоянно связана была с российскими и иностранными фирмами-поставщиками, поэтому надо было иметь его инициативу и энергию, чтобы все эти связи функционировали и обеспечивали нормальную жизнь промышленного региона. О его служебном авторитете можно судить по деловым встречам, которые имел А. Горр с министром СССР Ломако, с председателем Совмина СССР Косыгиным, прмьер-министром Канады Трюдо и другими официальными лицами. И, наконец, всем известна трансляция по центральному телевидению СССР из Норильска, когда чету Горбачевых сопровождал А. Горр, коментируя деятельность пищевых и торговых объектов. Такой высокий пост и уровень деятельности говорят о его высоких профессиональных знаниях, культурном уровне и деловых качествах. Бывший спецпоселенец

А. Горр достиг первым среди спецпоселенцев высшего государственного служебного поста на Таймыре. Летом 2002 года ему присвоено звание «Почетный гражданин Таймыра», вручена Золотая медаль.

В настоящее время Горр проживает в Подмосковье.

Ваккер (Гинц) Бригитта (1927–2002 гг.)

Родилась в деревне Гуссенбах в Поволжье. В 1941-году выслана в Сибирь, в селе Ораки, Шарыповского района Красноярского края. 24 июня 1942 года как спецпоселенка прибыла на станок Усть-Хантайка, Дудинского района, Таймырского нац. округа и стала рыбачкой. В 1948 г. получила квалификацию ветфельшера, а в 1950 году от своего колхоза «Северный путь» была направлена на учебу в Красноярский зверосовхоз, откуда в 1951 году она привезла в поселок Потапово 25 серебристо-белых лисиц. С этого времени на Таймыре началось новое клеточное звероводство, а сама Б. Ваккер стала первым в округе звероводом. В 1960–1976 годы Б. Ваккер возглавляла лучшую звероферму голубых песцов в Потапове. За трудовое отличие, высокое трудолюбие, научное ведение звероводства она была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Позднее звероферма расширилась, и звероводство приобрело промышленный характер. В колхозе «Северный путь» повысились финансовые доходы, заработки колхозников и их жизненный уровень. Руководство Таймырского округа направляет Б. Ваккер на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москву со своим клеточным звероводством, где она, получив высокую оценку за достигнутый в звероводстве в условиях Крайнего Севера результат, награждается Золотой медалью. В Таймырском окружном краеведческом музее города Дудинка есть специальный стенд, посвященный ее жизненному пути. Бывшая спецпоселенка Б. Ваккер была первым звероводом на Таймыре.

Похоронена в городе Дудинке.

Вагнер Александр (1926–1999 гг.)

Родился на Волге в селе Петингер (Баратаевка) Марксштадского кантона. Перед войной учился в музыкальной школе. В 1942 году в качестве спецпоселенца оказался в поселке Левинские Пески, в 12-ти километрах ниже Дудинки. По вечерам играл на баяне и аккордионе в клубе порта города Дудинки. Он имел абсолютный слух, мог исполнять музыкальные произведения без нот, сразу после прослушивания по радио или просмотра кинофильма. Совместно с руководителем Ткаченко и с участием пианистки Руты и хориста Юрия Янковичей, хористки Виктории

Вальтер, активного участника художественной самодеятельности Артура Брунера, трубача Федора Штроо и многих других А. Вагнер выполнял большую работу в художественной самодеятелности клуба порта и был любимцем дудинской молодежи. Его исключительное дарование было замечено, и он был приглашен в оркестр Красноярского ансамбля песни и пляски им.-Годенко. С концертами этого коллектива он посетил 45 стран мира.

В 70-е годы получил почетное звание заслуженного деятеля искусств республики.

А. Вагнер пользовался безукоризненным авторитетом как у коллектива, так и у руководства ансамбля. Высоко оценивая талант А. Вагнера, Красноярский горисполком в одном из отелей специально для проведения многочасовых репетиций выделил ему комнату. Он был виртуозом игры на баяне. Как у очевидцев и слушателей в нашей памяти сохранилось его исполнение симфонической музыки на восьмирегистровом баяне. Путевку в жизнь А. Вагнеру дал Таймыр.

Бывший спецпоселенец А. Вагнер был первым среди спецпоселенцев Таймыра, получившим звание заслуженного деятеля искусств республики.

Похоронен в городе Красноярске.

Лох Левин (1926–1996 гг.)

Спецпоселенцем на Таймыре оказался юношей в 16 лет, а в 20 лет стал председателем колхоза в Усть-Енисейском районе. Л. Лох длительное время был директором Усть-Портовского консервного завода, много помогавший людям, пострадавшим в годы сталинских репрессий. Ветеран труда, заслуженный работник рыбного хозяйства республики. В феврале 1991 года в Дудинке состоялась Таймырская конференция немцев с участием делегаций из Туруханска и Игарки, на которой на немецком языке выступил Л. Лох о проблемах национального возрождения немцев Заполярья. Он является одним из организаторов окружного общества немцев «Возрождение» и ансамбля немецкой песни. Бывший спецпоселенец Л. Лох был первым из спецпоселенцев, которому было присвоено звание «Почетный гражданин Таймыра».

Похоронен в городе Красноярске.

Краус Виктор (1955–1996 гг.)

Родился в семье поволжских немцев-спецпоселенцев, сосланных на Таймыр в 1942 году. С детства стал заниматься в секции борьбы, а потом

перешел в секцию бокса. В 17 лет уже занимал первые места в личном первенстве Дудинского порта. В 1975 году принял участие во Всесоюзных соревнованиях боксеров в Латвии в городе Лиепая, где занял второе место в своей весовой категории. Спустя 20 лет, в 1995 году в канун 40-летия спортсмена, в Дудинке прошел первый турнир на приз Виктора Крауса. Бывший спецпоселенец В. Краус был первым на Таймыре мастером спорта СССР, семикратным чемпионом Красноярского края по боксу, он был «первой перчаткой» Таймыра.

Похоронен в городе Дудинке.

Альбрехт Р. (1918–1967 гг.)

Спецпоселенец из Трехграды, Одесской области, поступивший в 1939 году в Саратовский медицинский институт, в 1941 году высланный в Сибирь, где в городе Красноярске ему удалось окончить медицинский институт с квалификацией врача-хирурга. Будучи спецпоселенцем, Альбрехт Р. работал над научной темой, посвященной заживлению закрытых переломов в условмях Заполярья и позже защитил диссертацию. В Дудинке в 60-е годы, заведовал хирургическим отделением окружной больницы, где проработал 12 лет. Среди населения округа доктор Альбрехт Р. оставил о себе добрую память.

Бывший спецпоселенец врач-хирург Альбрехт Р. был первым кандидатом медицинских наук на Таймыре.

Похоронен в Трехграде.

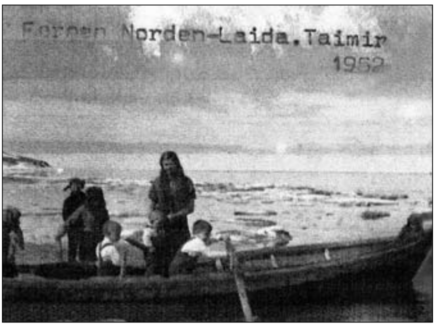

Условия жизни и работы спецпоселенцев на Крайнем Севере в 40-60-е годы.
Лайда, 1948, 1952 г.

Петри Карл Иванович взял меня на воспитание после ареста моего отца. Москва, 25.06.1941 г.

Петри Отто Иванович – мой папа. Астрахань, 13.06.1938 г.

Петри Лев и Вальтер Виктория. Юность и Любовь. Дудинка, 1946 г.

Группа экономистов-плановиков «Таймыргосрыбтреста», 1946 г. (слева направо): 1 ряд – Волкоф М. , Колесова Г.Н., Снегирева М.А., Потехин И.Е., 2 ряд – Николаев В.С., Шмидт А.Н., Резник Д.Г., Медведева П.К., Петри Л.О., 3 ряд – Бабий Ю., Фриауф Л.Э., Дедзис Б.Э.

Крайняя слева – Леля Вильгельм, крайняя справа – Виктория Вальтер(Петри). Во время пурги, на заднем плане виден клуб порта. 1947 г.

В 1942 г. в Малышевку было отправлено 80 спецпоселенцев. Из них к 1946 году после массовой гибели от холода, голода и цинги осталось лишь 36 человек.
Рыбаки и рыбачки с фунтузовских песков (между Усть-Портом и Малышевкой): стоят – Шефер Елена, Берзиньш Ян, Швиндт Ольга (сестра), сидят – Швиндт Виктор (мой брат), Швиндт Эрна, Швиндт Амалия (жена дяди)

Петри Виктория Теодоровна

Петри Лев Оттович

Ваккер (Гинц) Бригитта

Народный комиссариат просвещения

Участнику окружной олимпиады детского творчества

Почетная грамота

Кружковцу Дворца пионеров Петри Льву Оттовичу

За активное участие в детской самодеятельности, хорошую подготовку и исполнение Вашего номера на олимпиаде, жюри олимпиады присуждает Вам почетную грамоту.

Председатель жюри

Зав. ОкрОНО

Секретарь жюри

Астрахань

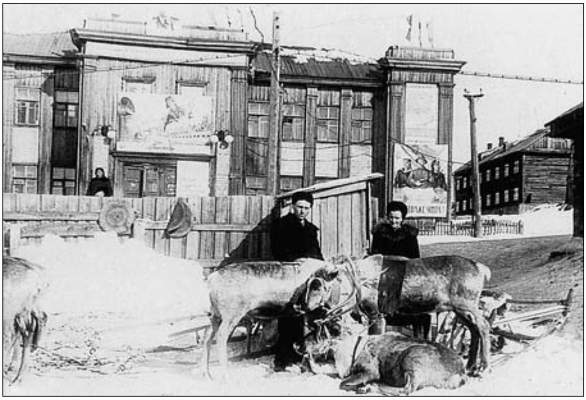
10 июля 1940

№ 208

Грамота, выданная астрахананским Дворцом пионеров в 1940 г.

Горр Александр
1928 г.р.

Роберт и Эрна Швиндт во дворе рабкопа.
За спиной – клуб порта. 1 мая 1958 г.

Финк Генрих. 1950 г.

Станок Малышевка Дудинского района, 1946 г.:
стоят – Гаммер Ева, Клейн Ида, 3–4–5 не помню, Вера П. – врач, 7–8 не помню, Шефер Мария, Швиндт Мария Федоровна,
сидят – Станкевич, начальник участка Хапугин, его жена, Аудзе Имант, Швиндт Валерия, мама Иманта Аудзе,
сидят на полу – Швиндт Роберт, Хапугина Галя, Гаммер Элла, малыш, Шнейдер Саша, Хапугин Валерий

Вагнер Александр – талантливый баянист.
Красноярск, 1951 г.

Коллектив зверофермы клеточного содержания в условиях Крайнего Севера. С мехом черно-бурых лисиц. 1953 г. Вторая слева – Ваккер Б., вторая справа – Грош И.

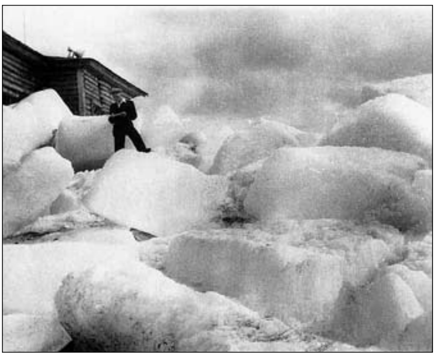
Ваккер (Гинц) Бригитта со своими детьми, является первым звероводом на Таймыре по клеточному звероводству и руководителем зверофермы в Усть-Хантайке и Потапово. Усть-Хантайка, 1953 г.

Юра иРута Янкович. Усть-Хантайка.

Любимова (Грош) Ирма. Рыболовецкое звено выбирает невод, стоя босиком в холодной воде на севере Енисея. Усть-Хантайка, 1952 г.

Швиндт Роберт. Порт Дудинка после ледохода. 1956 г.

Наш теплоход «Профессор Близнюк» в рейсе Красноярск – Дудинка: 3 дня вниз по течению, 7 дней – вверх.

В станке Прилуки, где зимой 1942 года рыбачила Виктория Вальтер, был один дом полный прибалтийцев, высаженных без средств к существованию. На чердаке этого дома и жили четыре рыбачки, в том числе Виктория, и местный рыбак-бригадир. Сейчас там три дома, работает гидрометеостанция.

Потапово. Население 400 человек. За 1942–1945 гг. погибло 1100 человек.

Здесь в сентябре 1942 года с теплохода «Иосиф Сталин» высадили семью Вальтер. Зимовали в оленьей конюшне. Из 1500 завезенных в 1942 году к 1945 году в живых осталось только 400 человек. Сейчас население Потапово 400 человек.

Потаповские рыбаки пытаются продать улов рыбы пассажирам и команде теплохода. Фото Петри Л. Июль 2002-г.

Теперь путь по Енисею лежит мимо алюминиевого гиганта, который делает активный выброс дыма под боком у города Красноярска – только 20 км.

Ракета – современное средство местного сообщения.

В районе Карачинского порога Енисей пересекает горную гряду, поэтому вся река в водоворотах и бурунах. Фото Петри Л. Июль 2002 г.

Гуер своим ходом с лебедкой на носу (трос длиной 7 км с якорем) тянет судно. Пороцесс перехода через порог длится около 1 часа (длина порога 7 км, высота перепада воды 4 м, скорость течения воды 18 км в час, ширина судового хода порога 100 м).
30-я очередная пристань на Енисее. Фото Петри Л. Июль 2002 г.

Здесь можно купить копченую стерлядь. Фото Петри Л. Июль 2002 г.

Местные жители заготавливают дрова за счет аварийного леса с Ангары. Фото Петри Л. Июль 2002 г.

Местное население живет за счет работы на лесозаготовках. Фото Петри Л. Июль 2002 г.

Таймырская тундра

В светлом костюме – Генрих Финк.

Мемориальная доска известному ученому, начальнику Главсевморпути О.Ю. Шмидту. Фото Петри Л. Июль 2002-г.

Игарка – город с мощным лесообрабатывающим комбинатом с рабочим коллективом 1500 человек и морским портом для отгрузки лесоматериалов на экспорт.

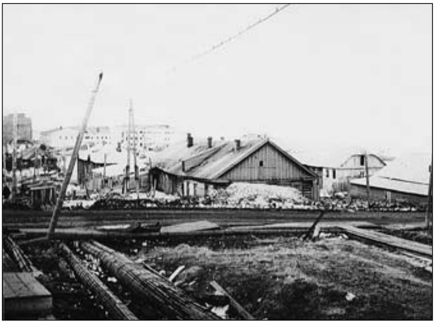
Здесь в Усть-Хантайке 24 июня 1942 года с лихтера номер 15 была высажена семья Петри.
За 1942–1944 годы от голода, каторжного труда, холода и цинги, погибло 270 женщин, подростков, детей и стариков – 70 % доставленнх людей.
Сейчас на могильнике, где захоронены в вечной мерзлоте эти люди, стоит большой крест.

Курейка – место ссылки И. Сталина царским правительством.
В 1956 году домик под стекляным колпаком революционера Сталина местные жители – жертвы сталинизма – сожгли, а его бюст утопили на середине Енисея.
От музея И. Сталина осталась только эта лестница.

Игарка, за деревьями слева от лестницы стоит дом с мемориальной доской О. Ю. Шмидту.

В этом бараке я жил зиму 1944/45 года в семье Роппельдт.
Фото Клынтс Р. 1977 г.

Дудинка. Зима.
Фото Клынтс Р. 1952 г.

Двухэтажное здание бывшего Таймыррыбтреста (1942–1946), в плановом отделе которого я работал в 1944–1946 гг.

Здесь в 1942–1944 годах 500-метровым неводом высотой 8 метров в две смены (с начала июня по 5–10 октября) добывали рыбу для фронта.

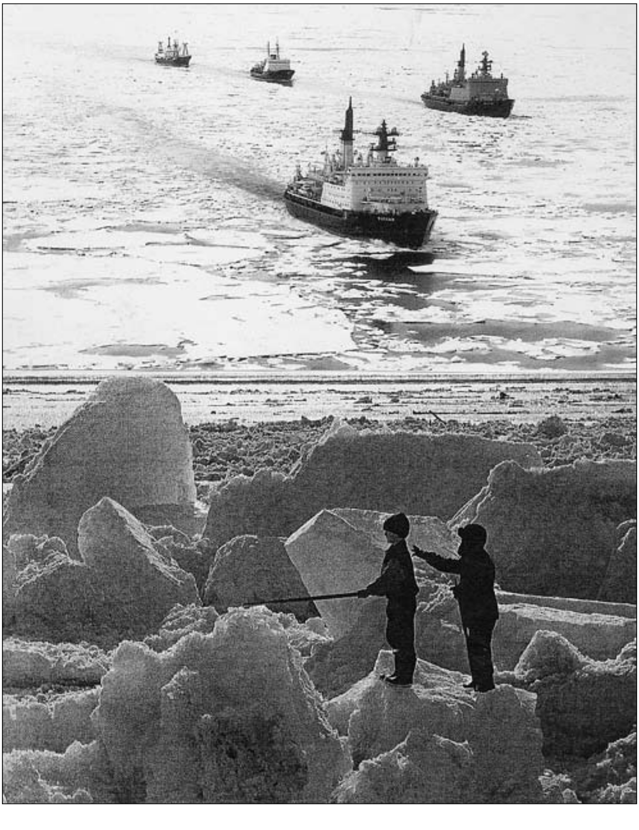
Бывшие рыбаки петринской бригады (1942–1944) – Ваккер (Гинц) Бригитта Генриховна и Гинц Александр Егорович. 2002 г.

Современная Дудинка. Видны портовые краны, Енисей и остров. Ширина реки – 12 км. В 2002 году в Дудинке проживало 150 бывших репрессированных, всего на Таймыре – 190 немцев.

Дудинка. Дом культуры. Здесь находится общество Видергебурт.

Караван судов во главе с атомным ледоколом «Россия» идет в Игарку за лесом мимо Дудинки.

Выступление немецкого хора. Руководитель-организатор – Лох Левин.
Вырезка из газеты «Нойес Лебен». Сентябрь 1992 г.

На горе Шмитиха построена часовня-памятник. С этого места в 1935 году началось промышленное освоение месторождений Норильска: руками заключенных начали добывать уголь.
В день памяти жертвам политических репрессий 1935–1955. Норильск, 28.10.2001 г.

У памятника погибшим спецпоселенцам. Бывшие спецпоселенцы слева направо: Шерер Ирма, Чиркова Екатерина, Астахова Екатерина, Андреева Екатерина, Эрдман Фрида, Неб Фрида, Нафтс Елизавета, Зальцманн Анна, Макрушина Екатерина, Гельд Эльвира, Макрушина Эмилия, Бельман Валентина. Фото Д. Кожевникова.

В каюте первого класса теплохода «Ипполитов-Иванов» собрались с напутствием счастливого обратного рейса. 2002 г.

Александр Гор во время визита М.С.-Горбачева.

Радуга

Современный флагман «Антон Чехов».

заключение

В книге объединены правдивые воспоминания еще здрвствующих свидетелей таймырской трагедии, о которой в литературных источниках материалы не публиковались. Сейчас время подошло, чтобы об этом сказать. Таймырцы более полувека молчали. Теперь на изломе поколений наступил критический момент, когда можно оценить таймырскую трагедию с двух сторон: политической и социальной. Анализ законодательных документов военного и более позднего периодов показывает, что государственная и партийная власти по отношению к немцам из России провели на Таймыре в 1942–1944 годы политику геноцида, используя для этой цели суровые климатические условия пребывания на Крайнем Севере. Власть не реабилитировала советских немцев, хотя и признала их репрессии незаслуженными, но отказала в автономии. Накопившаяся десятилетиями в сердцах уходящего поколения за невинно погибших многих тысяч людей боль нашла сейчас свое отражение в свидетельствах не молчащих таймырцев. Как установлено, главной причиной массовой гибели людей является доставка на Крайний Север «лишних людей» (в три с лишним раза больше необходимого числа), чем были достигнуты и соблюдены все условия геноцида.

Книга «Таймырцы не молчат» позволяет в какой-то степени закрыть белые пятна описываемых событий. Она написана на основании свидетельских и архивных материалов, благодаря которым удалось установить формулу причины таймырской трагедии – «лишние люди». Кто виноват в том, что на Таймыр была собрана лишняя рабсила, состоящая только из женщин, подростков, детей и стариков? В этой трагедии виноваты те деятели партии и правительства, кто подписывал относящиеся к таймырцам Указы ПВС СССР, Постановления ГКО и СНК СССР, Приказы НКВД СССР, Распоряжения СНК СССР. Дай-то Бог, чтобы в России наступило время когда Красную площадь очистят от большевистских останков.

Как сложились судьбы тех людей, с которыми в июне 1942 года мы сошли на Усить-Хантайский берег? Это были 105 человек. Старшее поколение, то есть родители той молодежи на Таймыре или позже в Средней Азии и в России полностью вымерло. Второе поколение, к которому относимся и мы, еще частично здравствует, продолжая жить на Таймыре или переехав в Германию. Нам известно, что уже скончались рыбаки нашей бригады Торвалд Гинц и его сестра Бригитта Ваккер (Гинц), а ее муж Александр Ваккер с дочерью Эльзой Штумпф (Ваккер) проживают в Дудинке, другая же их дочь Лиля Кох (Ваккер) с мужем Владимиром Кох в Потапово Дудинского района ведут в условиях Крайнего Севера большое хозяйство: две-коровы, десять кур, снегоход «Буран», мотор-

ные лодку и сенокосилку и лицензию на участок берега Енисея для рыбной ловли. Также в Дудинке проживают: председатель окружного немецкого общества «Возрождение» Валентина Бельман, активист этого общества и организатор окружного немецкого хора Ирма Шерер, прибывшая в 1942 году на станок Ситково, рыболовецкий бригадир Анна Гроо скончалась, а ее сестра живет в Германии, скончалась первая председатель колхоза «Северный путь» Эмилия Эрдман, а ее сестра Мария проживает в Германии, рыболовецкий бригадир Элеонора Йорг северным морским путем выехала на Дальний Восток, Александр Маурер, Виктория Роппельд и Эля Шотт (Гаун) – в Германии, Юрий и Рута Янковичи – в Латвии, нет в живых их матери и нашего врача Наталии Викторовны Янкович, которая похоронена в Риге.

> *«Мы, бывшие репрессированные жители станка Усть-Хантайка Александр Ваккер и Лев и Виктория Петри приняли решение установить на братской могиле металлический крест с надписью на плате: «Здесь в Усть-Хантайке лежат 270 немцев Поволжья и Ленинграда, латышей, эстонцев, финнов, погибших в 1942–1944 годы от непосильного труда, холода, голода, цынги. Вечная им память.*
>
> *Ваккер, Петри, 2005»*

Фирма «Kramer-Schuster» в Гамбурге, выполнившая на нержавеющей стальной плате надпись, взяла на себя 33 % стоимости заказа. Спасибо фирме за выраженную солидарность.

Крест выкрашен в красный цвет в знак солидарности с Красным Крестом, установленным на первом километре 128-километрового канала Москва-Волга имени Москвы в память о многих тысячах погибших при его строительстве репрессированных строителях в 1933–1937 годах.

Авторы попытались на фоне исторических событий того времени отметить лучших людей из числа спецпоселенцев, добившихся каждый в своей отрасли больших успехов в труде, стали патриотами Таймыра: Горр А., Ваккер Б., Вагнер А., Лох Л., Краус В., Альбрехт Р.

В заключение хотим выразить благодарность всем, кто прислал нам свидетельские письма. Особо отмечаем председателя ассоциации общественных объединений «Международный союз немецкой культуры», шеф-редактора «Московской немецкой газеты» Г. Г. Мартенса и д. ф. н., профессора РАГС Т. Иларионову, стараниями, помощью и поддержкой которых выходит наша книга.

Литература

1. Музейный вестник Таймырского краеведческого музея. Вып. 1. Дудинка, 2001.
2. Дудинка // Общественно-политический журнал. 2002. № 1, 2.
3. История российских немцев в документах (1763–1992) // Международный институт гуманитарных программ. М., 1993.
4. *Герман А. А.*-История Республики немцев Поволжья. М.: «Готика», 1996.
5. *Сикорский Н.*-О научных открытиях на Таймыре в XX веке // Дудинка. 2002. № 8, 9.
6. *Якушкин Г., Павлов В., Якубенко Э.*-Таймыр – край удивительный. Москва: Изд. «Советская Россия», 1976.
7. *Урванцев Н. Н.* Открытие Норильска. М.: Изд. «Наука», 1981.

Содержание